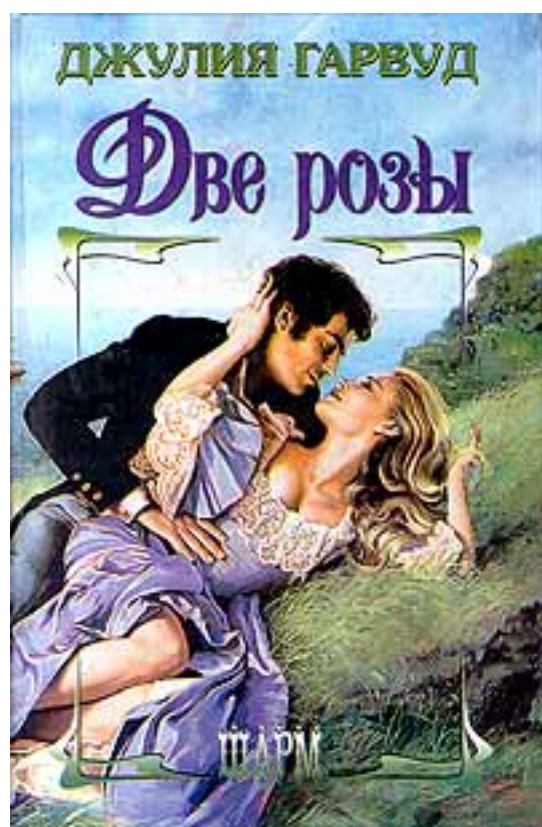

Джулия Гарвуд
Две розы
Серия «Розы», книга 1

OCR angelbooks
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=120835
Джулия Гарвуд. Две розы: АСТ; М.; 1999
ISBN 5-237-03291-5
Оригинал: JulieGarwood, "For the roses", 1995
Перевод:
А. Загорский

Аннотация

Похищенная дочь английского аристократа выросла, точно дикий цветок, под защитой названных братьев, в глуши Монтаны, где царят суровые, жестокие и опасные нравы Дикого Запада. Она превратилась в очаровательную девушку – и обрела мужчину своей судьбы, которому предстояло не только подарить ей счастье любви, но и помочь встретиться с потерянным отцом...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Джулия ГАРВУД ДВЕ РОЗЫ

Пролог

Нью-Йорк, 1860 год

Они нашли ее на помойке. Мальчишкам повезло – крысы еще не успели добраться до нее. Две твари уже забрались на плетеную корзинку для пикников и яростно царапали прутья, а еще три рвали боковые стенки острыми, как бритва, зубами. Крыс приводил в неистовство доносившийся до них запах молока и нежной, сладкой живой плоти.

Переулок, где находилась помойка, был для четверых мальчишек чем-то вроде дома. Трое из них спали без задних ног в импровизированных постелях – выстланных изнутри соломой деревянных ящиках. Всю ночь они шныряли по округе, воруя то, что плохо лежит, и дрались за добычу, и теперь были слишком измучены, чтобы слышать крики ребенка.

Спасти девочку выпало Дугласу, четвертому члену шайки. На сей раз настала его очередь исполнять роль часового, и он затаился у входа в переулок. Мальчик издали заметил закутанную в темный плащ женщину. Она торопливо приближалась с корзиной в руках. Дуглас издал негромкий, низкий свист, предупреждая товарищей о возможной опасности, а затем спрятался за грудой старых, покоребившихся бочек из-под виски. Постояв немного на углу, женщина воровато оглянулась, вбежала в переулок и остановилась так резко, что юбки обвились вокруг ее лодыжек. Затем она размахнулась и изо всех сил швырнула свою ношу на высокую кучу мусора, громоздившуюся у противоположной стены. Долетев почти до самого верха, корзина упала на бок. Женщина все время что-то бормотала себе под нос, но Дуглас не разобрал ни слова, потому что ее голос заглушали звуки, исходившие из корзины, – ему казалось, что они похожи на мяуканье кошки. Бросив на корзинку быстрый взгляд, он снова сосредоточил все свое внимание на женщине, вторгшейся на его территорию.

Женщина определенно чего-то боялась. Дуглас заметил, что рука ее дрожала, когда она глубже натягивала на голову капюшон. Должно быть, она чувствует себя виноватой, избавляясь таким образом от животного, которое, возможно, когда-то было любимцем ее семьи. Наверное, рассудил он, животное стало старым и больным, и его не захотели больше держать в доме. Как это похоже на людей, подумал Дуглас. Им всегда в тягость старики и дети. Мальчик вдруг поймал себя на том, что покачивает головой, а с губ его вот-вот сорвутся горькие слова по поводу несправедливого устройства мира. Почему бы женщине не отдать кому-нибудь несчастное животное? Он не успел развить эту мысль до конца – женщина внезапно повернулась и бросилась назад на улицу, ни разу не оглянувшись. Не успела она свернуть за угол, как Дуглас снова свистнул – на этот раз громко и пронзительно. Самый старший из ребят, беглый негр по имени Адам, вскочил на ноги с быстротой и ловкостью лесного хищника. Дуглас указал ему на корзину и припустился вдогонку за женщиной. Он заметил толстый конверт, выглядывавший из кармана ее плаща, и решил, что настало время поживиться – как-никак, он был лучшим одиннадцатилетним карманником на Маркет-стрит.

Адам проводил взглядом Дугласа, потом попытался достать корзину. Это оказалось не такой уж легкой задачей – крысы не желали расставаться с добычей. Одной из них Адам угодил прямо в голову острым камнем – злобное создание запищало и кинулось наутек. После этого Адам зажег факел и помахал им около корзины, чтобы отпугнуть других. Удо-

стоверившись, что все они разбежались, он поднял корзину и понес ее к ящикам, в которых по-прежнему спали остальные члены их компании, но тут же едва не выронил ее, услышав доносившиеся изнутри какие-то слабые звуки.

– Трэвис, Кол, просыпайтесь, – сказал Адам. – Дуглас что-то нашел.

Миновав ящики, он дошел до тупика, которым кончался переулок, сел, скрестив длинные худые ноги, и поставил корзинку на землю. Затем откинулся назад, опершись спиной о кирпичную стену, и стал ждать своих приятелей.

Кол уселся справа от Адама, Трэвис, громко зевая, плюхнулся слева.

– Что ты такое нашел, босс? – спросил Трэвис хриплым со сна голосом.

Месяц назад мальчики выбрали Адама своим вожаком. Сие решение было продиктовано как логикой, так и эмоциями. Адам был самым старшим из всей компании – ему почти исполнилось четырнадцать, и он по праву должен был занять место лидера. Кроме того, он слыл самым смышленным из всех четверых. Имелась, однако, и еще одна, более веская причина – Адам рисковал жизнью, чтобы спасти товарищей от неминуемой смерти. В нью-йоркских трущобах, обитатели которых подчинялись лишь одному закону – закону выживания сильнейшего, не было места предрассудкам. Ночью здесь правили бал голод и насилие, а они не разделяли людей по цвету кожи.

– Босс, – прошептал Трэвис, напоминая вожаку, что ждет ответа.

– Я не знаю, что это, – сказал Адам.

– Корзина, что же еще, – пробормотал Кол. – Зашелка на крышке выглядит так, как будто она из настоящего золота. Ты как думаешь?

Адам пожал плечами. Трэвис, самый младший из мальчиков, слегка засуетился, взял факел, который протянул ему Адам, и поднял его высоко над головой, чтобы все могли получше рассмотреть находку.

– Может, дождемся Дугласа, прежде чем открывать эту штуку? – спросил Трэвис и оглянулся на вход в переулок. – Куда он подевался?

– Сейчас подойдет, – сказал Адам, протягивая руку к зашелке.

– Подожди, босс. Там внутри что-то шумит, – остановил его Кол и потянулся за своим ножом. – Ты слышишь, Трэвис?

– Слышу. Как бы оно нас не укусило. Вдруг там змея?

– Никакая там не змея, – с явным раздражением заявил Кол. – У тебя вместо мозгов мякина, приятель. Змеи не пищат, как... как какие-нибудь котята.

Уязвленный его резким ответом, Трэвис смущенно потупился.

– Мы никогда не узнаем, что там, пока не откроем корзину, – пробормотал он.

Адам согласно кивнул, отодвинул задвижку в сторону и приподнял крышку примерно на дюйм. Никто не прыгнул на них в образовавшуюся щель. Тогда он осторожно перевел дыхание и откинул крышку. Скрипнула петля, и крышка, описав дугу, ударилась о заднюю стенку корзины. Мальчики, вжимаясь плечами в стену, наклонили головы и заглянули внутрь.

У всех троих вырвался возглас удивления – они не могли поверить своим глазам. В корзине безмятежно спал чудесный, красивый, словно ангел, младенец. Дитя держало во рту крохотный кулачок и время от времени издавало жалобные хныкающие звуки.

– Господи Боже, – прошептал Адам, – кто же это мог выбросить такое сокровище?

Кол, при виде ребенка выронивший нож, теперь нагнулся за ним и, заметив, что рука его дрожит от волнения, покачал головой.

– Ну и что тут такого? – заговорил он нарочито грубым голосом, стараясь скрыть смущение. – Люди постоянно так делают. И бедные, и богатые – без разницы. Когда им что-то надоедает, они это выбрасывают, словно мусор. Разве не так, Трэвис?

– Верно, – согласился тот.

– Босс, разве ты ни разу не слышал истории про сиротские приюты, которые рассказывали Дуглас и Трэвис?

– Я видел там очень много детей, – заявил Трэвис раньше, чем Адам успел ответить на вопрос Кола. – Ну, может, не очень много, но порядочно, – поправился он, стараясь быть предельно точным. – Их держали на третьем этаже. На моей памяти никому из этих малюток не удалось оттуда сбежать. Их загоняли в палату, а потом начисто про них забывали. – Голос его дрогнул при воспоминании о том времени, которое он провел в одном из городских приютов для бездомных детей. – Такой кроха ни за что бы там не выжил. Он слишком мал.

– На Мэйн-стрит я видел и поменьше, – возразил Кол. – У одной шлюхи, Нелли, был такой, А почему ты думаешь, что это мальчик?

– Он же лысый, а лысыми бывают только мальчишки. Аргумент Трэвиса показался Колу вполне резонным. Он кивнул в знак согласия и повернулся к жожаку:

– Что мы будем с ним делать?

– Ну не выбросим же.

Это произнес незаметно вернувшийся Дуглас. Трое мальчиков вздрогнули от неожиданности и от резкого тона, каким это было сказано. Дуглас кивком подтвердил свои слова и продолжил:

– Все произошло у меня на глазах. Какой-то разодетый пижон вылез из дорогого экипажа с этой самой корзинкой в руке. Потом он встал под фонарем, и я, разглядев его так, что лучше некуда. Женщина стояла на углу и, как я понял, дожидалась его, потому что он, как вышел из коляски, напрямик двинулся к ней. Она все старалась спрятать лицо и натягивала на голову капюшон. Судя по всему, женщина она хорошая и чего-то боится. Потом этот франт начал сердиться, и я быстро сообразил почему.

– Ну и почему же? – спросил Кол, поскольку Дуглас умолк.

– Она не хотела брать корзину, вот почему, – объяснил Дуглас, присаживаясь рядом с Трэвисом. – Она, видишь ли, не соглашалась и все качала и качала головой. Тогда этот парень разорался и начал тыкать в нее пальцем, а потом вытащил толстый такой конверт и показал ей. Тут она будто очнулась и выхватила у него пакет – быстро, что твоя молния. Я еще подумал – что бы ни было в конверте, это наверняка нечто важное. Потом она взяла корзину. Этот тип полез назад в экипаж, а она сунула конверт к себе в карман.

– А дальше что? – спросил Трэвис.

– Женщина подождала, пока коляска завернет за угол, – сказал Дуглас. – А потом прокралась в переулок и выбросила корзину. Я на нее и внимания-то не обратил – думал, в ней какой-нибудь старый кот, Мне и в голову не могло прийти, что там ребенок. Я бы так просто не ушел, если бы знал...

– А куда ты ходил? – перебил Дугласа Кол.

– Я сгорал от любопытства – что же в том конверте. Ну я и пошел за женщиной.

– Ты его свистнул? – поинтересовался Трэвис.

– Ясное дело, – фыркнул Дуглас. – Не зря же меня считают лучшим карманником на Маркет-стрит. Женщина торопилась, но мне удалось залезть к ней в карман в толпе пассажиров, которые хотели успеть на полночный поезд. Эта дура даже ничего не почувствовала. Готов спорить, сейчас она ломает голову, куда подевался пакет.

– А что в нем? – спросил Кол.

– Ты не поверишь.

Кол закатил глаза – Дуглас имел раздражавшую всех остальных привычку ходить вокруг да около.

– Ради Бога, Дуглас, если ты не... – пригрозил было Кол, но Трэвис не дал ему закончить.

– Я хочу сказать кое-что важное, – выпалил он. Похоже, его нисколько не интересовало содержимое конверта – мысли паренька были заняты ребенком. – Мы единодушно решили, что не выбросим этого младенца. Вот я и думаю – кому мы его отдадим?

– Я не знаю никого, кому был бы нужен ребенок, – признал Кол и, подражая старшим и более опытным бродягам, потер нижнюю челюсть, лишенную каких-либо признаков растительности, – ему казалось, что этот жест прибавляет ему возраста и является свидетельством мудрости бывшего человека. – На что он годится?

– Пожалуй, ни на что, – ответил Трэвис. – Пока по крайней мере. Впрочем, когда он подрастет.

– Что? – Дугласа заинтриговали мечтательные нотки, прозвучавшие в голосе Трэвиса.

– Нам удалось бы его кое-чему научить.

– Чему же это? – спросил Дуглас и прикоснулся ко лбу малышки указательным пальцем. – Кожа у него прямо атласная.

Трэвис продолжал грезить о том, как он с товарищами будет воспитывать и обучать малыша. Эта идея давала ему ощущение собственной значимости... и нужности кому-то.

– Дуглас, ты мог бы натренировать его шарить по карманам. А ты, Кол, мог бы показать ему, как надо пугать народ. У тебя и впрямь становятся очень страшные глаза, когда тебе кажется, что тебя обидели. Вот ты и научил бы этому малыша.

Кол улыбнулся – слова Трэвиса явно были ему приятны.

– Я стянул револьвер, – прошептал он.

– Когда? – спросил Дуглас.

– Вчера.

– Я его уже видел, – похвастался Трэвис.

– Лишь только мне удастся разжиться патронами, я как следует научусь из него стрелять, – сказал Кол. – Буду самым метким стрелком на Маркет-стрит. Может, мне придется потренировать малыша, чтобы он стал в этом деле вторым после меня.

– А я бы мог научить его находить всякие нужные вещи, – заявил Трэвис. – Я ведь хорошо нахожу то, что нам нужно, верно, босс?

– Да, – согласился Адам.

– Мы стали бы лучшей шайкой во всем Нью-Йорке, которой боялись бы все, – прошептал Трэвис. Глаза его засверкали, а в голосе зазвучали мечтательные интонации. – Даже Лоуэлл и его ублюдки-друзья, – добавил он, имея в виду членов конкурирующей шайки, которых в глубине души страшились все четверо.

Мальчики немного помолчали, представляя себе соблазнительную картину, нарисованную Трэвисом. Кол снова потер подбородок – он настолько увлекся воображаемыми сценами, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы голос его звучал спокойно:

– Босс поведал бы малышу все, что ему рассказывала его мама про разные книжки. Глядишь, он вырос бы таким же умным, как сам Адам.

– И при этом никто не стегал бы его по спине кнутом, – добавил Трэвис.

– Если мы оставим его у себя, то первым делом надо снять с него это девчоночье платье, – заявил Дуглас, глядя на длинное белое покрывало, в которое было закутано дитя. – Никто и никогда не будет над ним смеяться. Уж об этом-то мы позаботимся.

– Я убью любого, кто позволит себе хотя бы хихикнуть, – пообещал Кол.

– Такие вещи надевают на всех детишек, – сказал Трэвис. – Они в такой одежде спят.

– Как это? – не понял Дуглас.

– Им не нужна обычная одежда, в которой они могли бы ходить, потому что ходить-то они еще не умеют.

– А как мы его будем кормить? – спросил Кол.

– Видишь, кто-то положил в корзинку бутылку с молоком. Когда она опустеет, я добуду ему сызна, – пообещал Трэвис. – У него, наверное, еще нет зубов, и он не может есть нормальную пищу. Здесь осталось немного сухих пеленок – я достану еще.

– Откуда ты так много знаешь про детей? – спросил Кол.

– Знаю, и все, – ответил Трэвис, пожав плечами.

– А кто будет его переодевать, когда он обмочится? – спросил Дуглас.

– Давайте это делать по очереди, – предложил Кол.

– На веревках за домом Мак-Куинн сушатся пеленки, – сказал Трэвис. – И одежда маленького размера там тоже висит. Я стяну для малыша кое-что. Да, а как мы его назовем? У кого-нибудь есть идея?

– Как насчет Маленького Кола? – предложил Кол. – Неплохо звучит.

– А как насчет Маленького Дугласа? – отозвался Дуглас. – Звучит еще лучше.

– Мы не должны называть его в честь одного из нас, – возразил Трэвис, – чтобы не передрались.

Дуглас и Кол в конце концов согласились с Трэвисом.

– Ну ладно, – подытожил Кол. – Но имя у него должно быть действительно звучное.

– Моего отца звали Эндрю, – вставил Дуглас.

– Ну и что из этого? – отозвался Кол. – Когда твоя мать умерла, он сплавил тебя в приют. Разве не так?

– Ага, – подтвердил Дуглас, понурившись.

– Нельзя нарекать малыша в честь того, кто избавился от собственного ребенка, – заявил Кол. – У нас свои принципы, верно? Беднягу уже выбросили на помойку, так нечего ему лишний раз напоминать об этом и прозывать именем твоего папаши. Не назвать ли нам его Сиднеем? Помнишь того отчаянного парня, который командовал девчонками на Саммит-стрит? И лихой же малый был этот Сидней.

– Точно, – ответил Дуглас. – Его здорово все уважали.

– Что правда, то правда, – сказал Кол. – И ведь умер он своей смертью, что немало важно, точно? Никто его не прикончил.

– Мне нравится это имя, – заметил Трэвис. – Давайте проголосуем.

– Кто за? – Дуглас поднял правую руку, покрытую грязью и сажей.

Кол и Трэвис тоже подняли вверх руки. Адам не пошевелился. Тут только Кол – единственный из компании – обратил внимание, что в последние несколько минут их вожак в основном отмалчивался.

– Что-нибудь не так, босс? – спросил он, оглянувшись на Адама.

– Ты сам знаешь, – ответил тот, и в голосе его, похожем на голос старика, прозвучала усталость. – Мне надо уходить. У меня нет шансов выжить в городе. Я и так уже здесь подзадержался. Если я хочу быть свободным и не тревожиться, как бы меня не разыскали сыновья хозяина и не увезли обратно, мне надо пробираться на Запад. Я не могу жить, вечно прячась в переулках, пока не стемнеет. Скрыться можно только в диких местах. Вы ведь понимаете меня, верно? Так что в данной ситуации с ребенком у меня не должно быть права голоса. Меня здесь не будет, и я не смогу помочь вам его растить.

– Мы не осилим этого без тебя, Адам! – испуганно воскликнул Трэвис. Голос мальчика дрогнул, из горла вырвался громкий всхлип – мысль о том, что его покровитель и защитник покинет его, ужасала не на шутку. – Ты не можешь нас оставить. Не уходи, пожалуйста, – умолял он, готовый сорваться на крик.

Шум потревожил младенца. Ребенок завозился и захныкал.

Адам, склонившись над корзиной, неуклюже похлопал малыша по животику, но тут же отдернул руку.

– Ребенок промок насквозь, – сказал он.

– В чем это он промок? – не понял Кол и потянулся к бутылке, чтобы посмотреть, не треснуло ли стекло.

– Обдурлся, – пояснил Трэвис. – Надо бы снять с него пеленку, босс, а не то у него попка заболит.

Было ясно, что младенец вот-вот проснется. Мальчики с любопытством разглядывали его – ни один из них не мог припомнить, чтобы ему приходилось видеть такое крохотное человеческое существо.

– Гляди-ка, когда он корчит рожи, у него все лицо морщинами собирается, – прошептал Дуглас и фыркнул. – Забавный, верно?

Кол кивнул, потом повернулся к Адаму:

– Пока что ты здесь заводила, Адам. Снимать пеленку придется тебе.

Старший из компании глубоко вздохнул, состроил гримасу и, ухватив младенца под мышки, вынул его из корзины.

Ребенок открыл глаза. В свете факела, который держал Трэвис, мальчики увидели, что они были удивительно яркого голубого цвета.

– Он прямо твой младший брат, Кол. Глаза у него такие же голубые, как у тебя.

Адам держал младенца перед собой на вытянутых руках. На лице у него застыло напряженное выражение, на лбу выступили капельки пота. Он пребывал в явной растерянности и молил Бога, чтобы ребенок не заплакал. Хриплым шепотом он попросил Кола приподнять покрывало и развязать пеленку.

– Почему я? – недовольно спросил Кол.

– Трэвис держит факел, а Дугласу из-за меня не дотянуться, – ответил Адам. – Давай быстрее. Как бы он опять не запищал. Я боюсь его уронить – он легкий, словно воздух.

– До чего занятное дитя, правда? – сказал Трэвис, обращаясь к Дугласу. – Посмотри, как он всех нас изучает. Маленький, а такой серьезный.

– Дуглас, вытри мне лоб, – попросил Адам.

Дуглас взял тряпку и промокнул ему лоб. Адам действовал с такой осторожностью, словно в руках у него очутился динамит. Он был так скован, что на него больно было смотреть. Лишь Трэвис счел поведение вожака смешным и расхохотался.

– Да не взорвется он, босс. Он такой же, как ты, только поменьше.

Кол не обращал внимания на замечания, которыми перебрасывались мальчики. Затаив дыхание, он возился с пеленкой. От прикосновения к мокрой хлопчатобумажной ткани его замутило. Наконец ему удалось развязать тряпку, и она шлепнулась на землю рядом с корзиной. Ребята на минутку примолкли. Потом Кол вытер пальцы о штанины и протянул руки, чтобы закутать в покрывало толстенькие ножки младенца. Он уже почти сделал это, как вдруг его осенило. Кол посмотрел еще раз, чтобы удостовериться окончательно.

Сидней был девочкой. «Лысой девочкой», – подумал Кол. Дурнота у него тотчас прошла, и он разозлился. На кой черт им нужна ни на что не годная девчонка? Он не собирался иметь с этим младенцем ничего общего. Девчонку следовало забросить назад в помойку.

Малютке, однако, потребовалось меньше минуты, чтобы изменить его мнение. Кол уже собирался выругаться, когда случайно взглянул на младенца. Ребенок смотрел прямо на него. Кол переместился влево, но малышка следила за ним широко раскрытыми, доверчивыми глазами. Он попытался отвернуться, но не смог.

И тут крохотное существо нанесло последний удар – девочка улыбнулась. Кол был сражен наповал. Именно в эту минуту между ним и ребенком возникла некая связь.

Остальные были также сражены наповал.

– Мы должны все сделать как следует, – произнес Кол едва слышным шепотом.

– Что именно? – задал Трэвис вопрос, который вертелся на языке у всех.

– Про то, чтобы стать лучшей бандой в Нью-Йорке, и говорить больше нечего. Мы не можем держать ребенка здесь. Ей нужна семья, а не шайка уличных бродяг, которые будут ее учить всяким штукам.

– Ей? – Адам едва не уронил ребенка. – Ты что же, думаешь, что Сидней – девчонка?

– Я в этом уверен, – заявил Кол, сопроводив свои слова кивком. – Чтобы быть мальчиком, ей кой-чего не хватает.

– Господи, помоги нам, – прошептал Адам.

Кол не решил, что показалось ему смешнее – ужас, написанный на лице Адама, когда он взывал к Богу, или странный звук, который он издал горлом, прохрипев последнюю фразу. Голос его прозвучал так, словно он чем-то подавился.

– Я не хочу, чтобы у нас тут заводились девчонки, – пробормотал Трэвис. – Я их ненавижу всех до единой. Они только и знают, что жаловаться да пускать нюни.

Другие члены компании не обратили на слова Трэвиса никакого внимания. Адам выглядел так, словно внезапно почувствовал себя плохо.

– В чем дело, босс? – спросил Кол.

– Чернокожий не должен держать в руках маленькую девочку, белую, как лилия, – ответил Адам.

Кол фыркнул.

– Я своими глазами видел, как ты спас ее от крыс, – сказал он. – Если бы она была постарше и понимала, что к чему, она бы наверняка это оценила.

– Еще как бы оценила, – кивнув, согласился Дуглас.

– Кроме того, – продолжал Кол, – она не знает, черный ты или белый.

– Ты хочешь сказать, что она слепая? – потрясенно спросил Трэвис.

– Да нет, – пробормотал Кол, старательно демонстрируя Трэвису, самому младшему из четверки, свое отчаяние по поводу его бестолковости. – Она просто еще слишком мала, чтобы что-нибудь знать о ненависти. Столь невинные создания еще не умеют ненавидеть. Этому их учат позднее. В Адаме она сейчас видит просто э-э... брата. А старшие братья защищают своих маленьких сестренок, верно? Это священное правило или нечто в этом роде. Возможно, малютка об этом уже знает.

– Я поклялся своей матери, – снова заговорил Адам, – что убегу как можно дальше на Запад и не остановлюсь, пока не найду безопасное место. Мама сказала мне, что скоро будет война, а когда она кончится и все устроится, ее могут освободить. И тогда она придет за мной – мне надо только остаться в живых до этого дня. Сын не должен нарушать клятвы, которую он дал своей матери. Мне надо бежать отсюда – ради нее.

– Возьми ребенка с собой, – попросил Кол.

– Меня за такое как пить дать повесят, – ухмыльнулся Адам.

– Черт побери, тебя так и так повесят за то, что ты убил того ублюдка, своего хозяина. Ты что, забыл? – сказал Кол.

– Если, конечно, поймают, – вставил Дуглас. – А ты слишком хитер, чтобы попасться.

– Я уже чувствую себя братом этой крохи, – объявил Кол. Мальчики тут же уставились на него, и ему стало неловко под их взглядами.

– В этом нет ничего странного, – торопливо пояснил он. – Я сильный, а она всего лишь беззащитная малютка, которой нужны братья вроде нас с Адамом, которые приглядывали бы за ней, чтобы она росла хорошей девочкой.

– Хорошей девочкой? А что ты понимаешь в таких делах? – спросил Дуглас с насмешкой и недоверием в голосе.

– Ничего, – согласился Кол. – Зато Адам знает об этом все, правда, Адам? Ты здорово говоришь, а читаешь и пишешь как настоящий джентльмен. Твоя мама научила этому тебя, а теперь ты можешь обучить меня. Я не хочу, чтобы моя маленькая сестренка считала меня

неучем. Он мог бы обучить нас всех, – сказал Дуглас, который, как видно, не собирался оставаться в стороне.

– Будь я ее старшим братом, я бы к ней хорошо относился, – пробурчал Трэвис. – Когда я вырасту, стану необыкновенно сильным. Правда, Дуглас?

– Да, – подтвердил Дуглас. – Знаешь, что я думаю?

– Что? – спросил Адам и улыбнулся, потому что в этот миг крошечное существо, которое он держал на руках, подарило ему глупейшую ухмылку. Очевидно, девочке нравилось быть в центре внимания. Похоже, она уже приобрела немалое влияние на всех остальных. По телу Адама разлились тепло и умиротворенность. Легкость, с которой девочка приняла его, помогла избавиться от бремени, что камнем лежало на сердце, когда он вынужден был расстаться со своей матерью. Ребенок появился словно дар небес, и Адам понял, что теперь его долг – заботиться о младенце, оберегать и лелеять его.

– Порой я задумываюсь, всегда ли Бог знает, что делает, – прошептал он.

– Само собой, всегда, – отозвался Дуглас. – И я считаю, что Он предпочел бы, чтобы мы выбрали для нашей малютки другое имя, Надеюсь, у нее отрастут хоть какие-то волосы. Мне как-то не улыбается иметь лысую сестренку.

– Пусть будет Мэри, – предложил Кол.

– Роуз, – произнес Адам одновременно с ним.

– Мою мать звали Мэри, – объяснил Кол. – Она умерла, когда рожала меня. Соседи говорили, что она была очень хорошей женщиной.

– А мою мать зовут Роуз, – сказал Адам. – Она тоже очень хорошая женщина.

– Малышка засыпает, – прошептал Трэвис. – Положите ее в корзину, а я постараюсь ее перепеленать. А потом уж спорьте насчет ее имени.

Адам молча повиновался. Все наблюдали за тем, как Трэвис неумело закутал девочку в сухое. Ребенок уснул еще до того, как он закончил возиться с пеленкой.

– Я думаю, пререкайся тут нечего, – произнес Дуглас. Он наклонился, чтобы укрыть ребенка, в то время как Адам и Кол тихо препирались – каждый пытался убедить другого назвать малышку в честь именно его матери.

Дуглас знал, что спор вот-вот разгорится не на шутку, и решил пресечь его в зародыше.

– Все очень просто, – сказал он. – Назовем ее Мэри Роуз. Кол первым оценил резонность этого предложения, и на лице его вспыхнула улыбка, Адам тоже быстро согласился. Трэвис собрался было рассмеяться, но Дуглас ткнул его локтем в бок, опасаясь, что он разбудит ребенка.

– Надо все распланировать, – зашептал Дуглас. – Нам нужно поскорее смотаться отсюда – может быть, даже завтра вечером, полночным поездом. Трэвис, ты должен раздобыть для Мэри Роуз все необходимое. Я куплю для нас билеты. Адам, тебе придется спрятаться вместе с ребенком в багажном вагоне. Что скажешь?

Адам кивнул.

– Твое дело все продумать, – сказал он, – а я не подведу.

– А на что ты купишь билеты? – спросил Кол.

– Конверт, что я выкрал у женщины, которая выбросила Мэри Роуз, был набит деньгами. Еще в нем лежали старые на вид бумаги с какими-то чудными буквами и с печатями, но я в них ничего не смог разобрать, потому что не умею читать. Но в деньгах я кое-что понимаю. У нас их достаточно, чтобы уехать так далеко, как захочет Адам, и купить немного земли.

– Покажи мне эти бумаги, – попросил Адам.

Дуглас вытащил из кармана пакет и вручил его жожаку. Увидев деньги, Адам присвистнул. Кроме банкнот, он нашел в конверте два листа бумаги. Один покрывали цифры и какие-то каракули, а другой казался почти чистым и походил на страницу, вырванную из книги.

Лишь в верхней его части было написано несколько строк, в которых указывались дата рождения девочки и ее вес.

– Им было мало выбросить ее – они выбросили даже ее бумаги, – прошептал Дуглас.

– Когда меня сдали в приют для сирот, у меня не было никаких бумаг, – сказал Трэвис. –

Хорошо еще, что я знал, как меня зовут, верно, Кол?

– Да, пожалуй, – ответил Кол.

Трэвис пожал плечами, давая понять, что это не имеет значения.

– Я хочу предложить одну штуку, только не перебивайте меня, пока я не закончил, идет? – сказал он.

Он дождался, пока все кивнули, и лишь потом продолжил:

– Из всех нас только про меня нельзя сказать, что я не в ладах с законом. Поэтому я считаю, что Мэри Роуз следует носить мою фамилию. Если уж все делать по уму, как говорит Кол, то мою фамилию должны взять все. В конце концов, братья и сестры – одна семья, и с этой минуты нам всем надлежит стать Клэйборнами. Идет?

– Никто не поверит, что я – Клэйборн, – возразил Адам.

– Да кого это волнует? – сказал Кол. – Мы хотим, чтобы нас оставили в покое. Кто докажет, что ты не Клэйборн? Любому, кто к тебе привяжется, придется иметь дело со всеми нами. И не забывай, – добавил он, – что у меня теперь есть револьвер. Скоро я смогу решить любую проблему.

Дуглас с Трэвисом кивнули. Адам вздохнул. Дуглас простер руку над корзиной и, посмотрев на остальных, шепотом произнес:

– Мы бежим ради мамы Роуз и становимся семьей ради Мэри Роуз. Теперь мы братья.

– Братья, – повторил Трэвис таким тоном, словно произносил клятву.

Следующим был Кол.

– Мы братья до гроба, – сказал он.

Адам колебался некоторое время, которое показалось остальным мальчикам вечностью. Наконец он решился и накрыл ладонью руку Кола.

– Братья, – проговорил он дрожащим от волнения голосом. – Ради мамы Роуз и малышки.

3 июля 1860 года

Дорогая мама Роуз,

Пишу тебе это письмо а надежде, что вы с миссис Ливонией находитесь в добром здравии. Я хочу рассказать тебе оба всех удивительных приключениях, которые мне довелось пережить по пути на Запад, но прежде считаю необходимым сообщить тебе ничто очень важное. В нашей семье появилась твоя тезка, мама. Ее зовут Мэри Роуз...

С любовью

Джон Куинси Адам Клэйборн

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Монтана-Вэлли, 1879 год

Теперь дитя наконец возвращалось домой.

Расположившись рядом со своим экипажем, Кол с нетерпением ждал, когда дилижанс покажется из-за последнего поворота дороги. Он так разволновался, что не мог стоять спокойно. Облачко пыли, спускавшееся с холма, свидетельствовало о том, что Мэри Роуз уже близко. Кол принялся гадать, сильно ли она изменилась за последние месяцы, но потом громко рассмеялся над собственной глупостью. Уезжая, чтобы закончить свое обучение в школе, ученица последнего года Мэри Роуз была уже вполне сложившейся девушкой, и вряд ли ее внешности грозили какие-то существенные перемены – разве что на носу появится несколько новых веснушек или волосы отрастут подлиннее.

Кол ужасно скучал по ней, Впрочем, и остальные братья тоже. Жизнь на ранчо заставляла их вертеться с утра до ночи, и они могли общаться с ней только во время обеда. Мэри Роуз всегда для них что-то готовила. Она хорошо стряпала обычные, всем знакомые блюда, но ни один из братьев не переносил те причудливые французские соусы, которыми она любила все поливать.

Дилижанс опаздывал больше чем на час, а это означало, что им правит сварливый старикашка Клив Харрингтон. Он наверняка не тронул лошадей с места, не выпросив прежде у Мэри Роуз все новости, да и в пути, несомненно, требовал, чтобы все ее внимание принадлежало ему. Зная мягкое сердце сестры, Кол не сомневался, что она не станет его подгонять.

Клив и Мэри Роуз очень быстро подружились, хотя никто в Блю-Белл не понимал почему. Желчный старикан Клив Харрингтон постоянно ругался, отпускал злобные замечания и жаловался на жизнь, и Кол считал его довольно-таки неприятным типом. К тому же он имел страшную, как смертный грех, наружность. Тротуары пустели при его появлении – если только где-нибудь рядышком не было Мэри Роуз. При виде девушки гнусный старина Клив становился кротким и мягким, а на лице его возникала нелепая счастливая улыбка, которая, бывало, не сходила целыми днями. Харрингтон просто обожал Мэри Роуз, выставляя себя тем самым на всеобщее посмеище, но и она в нем души не чаяла. Она действительно любила этого дурня, и потому заботилась о нем, и собственноручно штопала всю его одежду. Раз в году Харрингтон по обыкновению заболевал, зачастую это совпадало с периодом клеймения скота, а иногда и раньше. Он возникал на пороге дома Мэри Роуз со шляпой в одной руке и грязным носовым платком в другой и спрашивал, не посоветуют ли ему, как лечить его таинственную хворь. Все это, конечно, было не более чем уловкой. Мэри Роуз немедленно селила Клива в гостевой комнате и нянчилась с ним целую неделю – как правило, столько времени уходило на его выздоровление.

Все в городе называли такие недомогания Клива ежегодными каникулами, и по тому, как сейчас старик, осаживая лошадей, трогал уголки глаз и тер платком нос, Кол предположил, что он уже собирается устроить себе очередной отпуск.

Не успел дилижанс остановиться, как дверь его открылась и Мэри Роуз спрыгнула на землю.

– Ну вот я и дома, – воскликнула она и, приподняв юбки, с радостным смехом побежала к брату. Шляпка слетела с ее головы и упала в пыль. Кол старался сохранить на лице сдержанное, несколько угрюмое выражение. Ему не хотелось, чтобы Харрингтон потом расска-

зывал в городе, будто он распустил нюни – Колу нравилось, что все горожане его боялись. Но смех сестры оказался таким заразительным, что он не удержался – сначала улыбнулся, а потом тоже расхохотался, плюнув на то, как это выглядит со стороны.

Мэри Роуз совершенно не изменилась. Она держалась так же свободно и непосредственно, как и всегда, и Кол подумал, что она причинит немало волнений своим братьям.

Девушка бросилась в объятия Кола. При ее небольшом росте хватка у нее была прямо-таки медвежья. Кол тоже крепко стиснул ее, поцеловал и попросил, чтобы она прекратила смеяться, как сумасшедшая.

Нисколько не обидевшись, она отстранилась, подбоченилась и внимательно оглядела брата.

– А ты все такой же красавчик, Кол. Ты кого-нибудь убил за то время, что я была в школе?

– Конечно, нет, – огрызнулся он, скрестил руки на груди, прислонился к экипажу и попытался нахмуриться.

– Ты как будто подросток еще на дюйм или два. И волосы у тебя вроде стали светлее. Откуда у тебя этот шрам на лбу?

Прежде чем Кол успел ответить на ее вопросы, Мэри Роуз повернулась к Харрингтону:

– Клив, мой брат застрелил кого-нибудь в мое отсутствие?

– Да что-то не припомню такого, мисс Мэри, – ответил тот.

– А на ножах дрался?

– По-моему, нет, – сказал Клив.

Мэри Роуз, похоже, поверила его словам и снова улыбнулась:

– Я так рада, что вернулась домой, Я никогда больше никуда не поеду. Адам не заставит меня это сделать, как бы это ни было полезно для моего умственного или духовного развития. У меня есть бумаги, которые доказывают, что я уже получила достаточное образование. Господи, какая теплынь для весны, правда? Я обожаю жару, и грязь, и ветер, и пыль. А Трэвис ввязывался в драки в городе? Впрочем, ты все равно мне не скажешь, а вот Адам расскажет. Между прочим, он писал мне больше, чем ты. А новый сарай достроили? Я получила от мамы Роуз письмо за день до окончания школы. Надо сказать, что почта приходила вовремя. Здорово, правда? Мы живем в такое время, когда столько всего нового. А как там...

Кол явно не поспевал за сестрой – она говорила с такой скоростью, словно была политиком.

– Притормози, – перебил ее он. – Я не могу отвечать на все вопросы сразу. Отдышись немного, а я помогу Харрингтону выгрузить твой багаж.

Через несколько минут ее чемодан, коробки и три саквояжа были сложены в задней части экипажа Кола, и Мэри Роуз принялась рыться в вещах, не обращая внимания на уговоры брата подождать до дома. Закрыв одну коробку, она принялась копаться в другой. Харрингтон, стоя рядом с коляской, смотрел на нее и улыбался.

– И скучал же я по вас, мисс Мэри, – прошептал он и, покраснев, словно школьник, воровато взглянул на Кола, боясь, как бы тот не посмеялся над ним.

Кол сделал вид, что ничего не слышал, и предусмотрительно отвернулся. Сестре признание Харрингтона явно потрафило.

– Я тоже соскучилась, Клив. Вы получали мои письма?

– Конечно, – ответил Харрингтон. – И перечитывал до дыр.

– Приятно слышать, – сказала Мэри Роуз, дружески улыбнувшись старику. – Я не забыла о вашем дне рождения. Погодите, не уезжайте. У меня для вас кое-что есть.

Старательно перерыв свой чемодан, она в конце концов нашла коробку и вручила ее Кливу.

– Пообещайте, что не откроете ее, пока не доберетесь до дому.

– Вы привезли мне подарок?

Старик выглядел изумленным.

– Два подарка, – с улыбкой поправила его Мэри Роуз. – Внутри первого находится второй сюрприз.

– И что же это? – спросил Клив, словно маленький мальчик в канун Рождества.

Мэри Роуз оперлась на его руку и выбралась из экипажа.

– Я же говорю, это сюрприз. Именно поэтому я положила его в коробку и обернула такой красивой бумагой. Благодарю вас, что довезли меня, – добавила она и сделала реверанс. – Все было очень хорошо.

– Вы не сердитесь, что я не позволил вам ехать со мной на козлах?

– Нисколько, – заверила старика Мэри Роуз.

– Она упрашивала меня, чтобы я разрешил ей сидеть рядом, – объяснил Харрингтон, повернувшись к Колу, – но я подумал, что молодой леди это не к лицу.

Кол кивнул и сказал:

– Нам пора, Мэри Роуз.

Он взобрался на козлы, взял в руки вожжи и попросил сестру вернуться за едва не забытой в пыли шляпкой. Клив медленно направился к дилижансу, сжимая обеими руками подарок, словно бесценное сокровище.

Наконец Кол с Мэри Роуз поехали домой. Кол отвечал на ее вопросы, а она тем временем избавлялась от тех атрибутов, благодаря которым выглядела как светская дама. Сначала она сняла белые перчатки, а затем стала одну за другой вытаскивать шпильки, держащие волосы, стянутые узлом на затылке, и не успокоилась до тех пор, пока светлые пряди не заструились по спине. После этого она удовлетворенно вздохнула и запустила пальцы в волнистую копну локонов.

– Мне так надоело быть леди, – заявила она. – Ей-богу, это такое мучение.

Кол засмеялся. Мэри Роуз знала, что от него она не дождется сочувствия.

– Ты бы не веселился, если бы тебе пришлось носить корсет. Он стягивает все тело, как тисками.

– Тебя заставляли в школе? – с ужасом спросил Кол.

– Да. Но я, правда, этого не делала. Честно говоря, никто не мог определить, надет на мне корсет или нет. Я никогда не одевалась в присутствии других.

– О Господи.

Кол придержал лошадей – начался крутой подъем по склону первой горной гряды. Мэри Роуз обернулась, следя, чтобы ее чемодан не упал с багажной площадки. А когда они достигли гребня, девушка заняла обычное положение, сняла темно-синий жакет и расстегнула три верхние пуговицы накрахмаленной белой блузки.

– В школе произошла странная вещь, – сказала Мэри Роуз. – Я просто не знала, что с этим делать.

– С чем? – спросил Кол.

– В январе из Чикаго приехала новая ученица. Ее сопровождали родители, чтобы помочь девочке устроиться.

– Ну и?

– Скорее всего, тут нет ничего эдакого, – сказала Мэри Роуз и пожала плечами.

– Все равно выкладывай. Я же чувствую, что тебя это тревожит.

– Меня это не тревожит, – объяснила девушка. – Просто все было так странно. Мать этой девушки родилась и выросла в Англии.

Так вот, ей показалось, что она меня знает.

– Она обозналась, – возразил Кол. – Ты никогда не была в Англии. Может, вы встречались с ней где-нибудь в другом месте?

Мэри Роуз отрицательно покачала головой.

– Расскажи мне, что случилось.

– Все шло своим чередом. Я улыбнулась новеньким – просто из вежливости, и вдруг мать этой девушки закричала, да так громко, что можно было напугать каменных горгулий на крыше Эммет-билдинга. Да и я тоже струхнула. И все время она показывала на меня пальцем, – пояснила Мэри Роуз. – Я порядком смутилась.

– А потом что?

– Она прижала руки к груди, и вид у нее был такой, будто она вот-вот упадет в обморок.

– И что же ты сделала?

Кол сразу же заподозрил, что сестра рассказывает ему не все. Она имела обыкновение впутываться во всякие истории и неизменно удивлялась возникавшим впоследствии всевозможным осложнениям.

– Ничего плохого. – В голосе Мэри Роуз звучала обида. – С чего ты решил, будто я виновата в том, что бедная женщина повела себя столь необычно?

– Потому что частенько во всех неприятностях бываешь виновата ты – заявил Кол. – У тебя в тот момент был с собой револьвер?

– Конечно, нет. Я не бегала и вообще была паинькой. Я умею вести себя как леди, Кол.

– Тогда что же приключилось с той бедняжкой?

– Оказывается, она приняла меня за одну женщину, которую когда-то знала. Она называла ее леди Агата, и по ее словам выходило, что я просто копия этой самой леди.

– Чепуха. На свете много светловолосых женщин с голубыми глазами.

– Ты хочешь сказать, что у меня заурядная внешность? Кол не удержался от искушения поддеть сестру:

– Да, пожалуй.

Разумеется, брат слукавил. Мэри Роуз была настоящей красавицей – во всяком случае, так без умолку твердили Колу все мужчины города. Он не мог смотреть на сестру их глазами. Она была для него милым существом с добрым сердцем, иногда, впрочем, превращавшимся в маленькую дикую кошку. Когда-то она была непослушным ребенком, но теперь, став совсем взрослой, причиняла не так уж много хлопот.

– Адам утверждает, что я хорошенькая, – возразила Мэри Роуз и толкнула брата плечом. – А он всегда говорит правду. И потом, ты же прекрасно знаешь, что главное – это душа женщины. Мама Роуз считает меня прекрасной дочерью, хотя ни разу в жизни меня даже не видела.

– Мэри Роуз, ты уже прекратила выпендриваться?

– Да, – ответила девушка со смехом.

– Я бы не слишком беспокоился из-за того, что похож на кого-то другого.

– Но этим не кончилось, – продолжила Мэри Роуз. – Примерно через месяц меня вызвали в кабинет директора. Там меня дожидался какой-то пожилой мужчина. Старшая воспитательница тоже была там, а у нее на столе лежало мое личное дело.

– Откуда ты знаешь, что это было твое личное дело?

– Оно самое толстое во всей школе, и у него порвана обложка. Взглянув на брата, Мэри Роуз сразу же догадалась, о чем он думает.

– Не смейся, Кол, и не корчи из себя всезнайку. Да, мой первый год в школе прошел неудачно. Я с трудом приспособилась к новой обстановке. Сейчас-то я понимаю, что просто скучала по дому и добивалась, чтобы меня выгнали оттуда. Но однако, – тут же торопливо добавила она, – с тех пор у меня отличный послужной список.

– Расскажи мне о том мужчине, который ждал тебя в кабинете директора, – попросил Кол.

– Он был юрист, – ответила Мэри Роуз. – Его очень заинтересовала наша семья: как долго мы живем в Монтане и почему с нами не живет наша мать. И еще требовал, чтобы я описала ему, как выглядят мои братья. Но я ни на один вопрос отвечать не стала. В конце концов, это совершенно незнакомый человек, который к тому же мне очень не понравился.

– Почему он тебя обо всем этом расспрашивал?

– Якобы речь идет о большом наследстве. Мне показалось, он уходил в полной уверенности, что я не какая-нибудь давно потерянная родственница, которая может на него претендовать. Ты разволновался?

– Немного, – признался Кол. – Я не люблю, когда кто-то начинает о нас разнюхивать.

Мэри Роуз попыталась отвлечь его от неприятной темы.

– Все не так уж плохо, – сказала она. – К экзамену по английскому я не смогла подготовиться, потому что Элеонора полночи не давала мне спать, рассказывая о своих неприятностях. А когда начался экзамен, мне пришлось ждать следующего дня, чтобы пройти все тесты.

– Я думал, ты не станешь больше общаться с Элеонорой.

– Я и не собиралась с ней общаться, клянусь, – заверила Мэри Роуз, – Но никто не хотел жить с ней в одной комнате, и директриса чуть ли не на коленях упрашивала меня поселиться вместе с ней. Бедная Элеонора. Она честная, у нее доброе сердце, но она тщательно это скрывает.

Кол улыбнулся. Элеонора была единственным темным пятнышком в безоблачной жизни сестры. Из всех учениц школы только Мэри Роуз могла выносить ее общество. Братья любили слушать побасенки об Элеоноре, находя ее проделки чертовски забавными.

– Она все такая же проказница? – спросил Кол в надежде, что сестра попотчует его какой-нибудь новой веселой историей.

– Да, – ответила Мэри Роуз. – Видишь ли, я терзалась из-за того, что рассказывала о ней всем вам, но Трэвис меня утешил, что она никогда об этом не узнает, и я успокоилась. Она и впрямь бывает несносной. Элеонора уехала из школы на целую неделю раньше всех остальных и даже не попрощалась. Что-то случилось с ее отцом. Пять ночей подряд она плакала в подушку. Жаль, что она мне не доверилась – я бы смогла помочь ей. Я попыталась расспросить директрису, но она промолчала и поджала губы, давая понять, что произошло нечто отвратительное. Отец Элеоноры собирался пожертвовать на нужды школы большую сумму денег. Так вот, директриса заявила, что теперь с этим ничего не выйдет. И знаешь, что она еще сказала?

– Нет.

– Что ее одурачили. Как ты думаешь, что она имела в виду?

– Все что угодно.

– Перед отъездом Элеоноры я сказала ей, что она всегда может найти меня в Роуз-Хилл, ибо она плакала, как ребенок, и мне стало ее жалко, – объяснила Мэри Роуз. – Но я не думаю, что она заявится к нам на ранчо. Здесь на ее вкус маловато цивилизации – она слишком утонченная. Она обидела меня тем, что не попрощалась. В конце концов, я была ее единственной подругой. Правда, не очень хорошей, верно?

– Почему ты себя недооцениваешь?

– Товарищам не пристало выставять друг друга в неприглядном свете.

– Ты всего-навсего сообщала нам о том, что происходило на самом деле. Что же тут плохого? И потом, в школе ты ее ото всех защищала. Ведь там-то ты никогда ничего о ней не рассказывала?

– Нет.

– Твоя совесть чиста. Ты ведь никогда ее не критиковала, даже в нашем обществе.

– Да, но...

– Кроме того, добивалась, чтобы ее приглашали на все вечеринки. Благодаря тебе она никогда не чувствовала себя одиноко.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю тебя. Ты вечно так и выискиваешь везде неудобных людей.

– Элеонора не такая.

– Вот видишь, ты за нее уже стоишь горой. Она улыбнулась.

– После разговоров с тобой мне всегда становится легче. Ты правда думаешь, что тот юрист больше не будет нами интересоваться?

– Да, – ответил Кол. Мэри Роуз вздохнула.

– Я скучала по тебе, Кол.

– Я по тебе тоже соскучился, малышка.

Она снова толкнула его плечом. Брат и сестра заговорили о ранчо. Пока Мэри Роуз была в школе, братья приобрели еще один участок земли. Трэвис уехал в Хаммонд закупить все необходимое, чтобы обнести часть огромной территории загородкой – лошадям требовалось достаточно места, где они могли бы пастись зимой.

Спустя несколько минут Кол с Мэри Роуз въехали в Роуз-Хилл. Название этому месту девушка дала, когда ей было восемь лет. Однажды она увидела на склоне холма цветы, которые приняла за дикие розы, и заявила, что не иначе как перст Божий указывает членам их семьи осесть здесь навсегда – и все потому, что их с мамой зовут Роуз.¹

Адам не хотел ее разочаровывать и посему не сказал, что обнаруженные ею цветы на самом деле вовсе не розы. Кроме того, он подумал, что, если девочка сама нареклет их ферму, это попросту усилит у нее чувство защищенности. Причудливое название прижилось, и через год его стали употреблять даже жители Блю-Белл. Роуз-Хилл находился в самом сердце долины в штате Монтана. Почти на четверть мили вокруг ранчо простирался ровный участок земли. Дом возвели посреди этого плоскогорья по настоянию Кола – чтобы можно было вовремя заметить любого, кто вторгся бы на его территорию. Подобно остальным братьям, он не любил сюрпризов и, как только строительство двухэтажного дома закончилось, соорудил над чердаком наблюдательный пункт, с которого Клэйборны могли сразу же заметить незваного гостя.

С севера и с запада к окружавшему ранчо лугу подступали величественные горы с заснеженными вершинами. На востоке лежали менее внушительные возвышенности и просто холмы – совершенно бесполезные земли с точки зрения фермеров. Зато в этих краях промышляли трапперы, поскольку здесь все еще в изобилии водились бобры, медведи и волки.

Попасть на ранчо беспрепятственно можно было только одним путем – по главной дороге, соединяющей Роуз-Хилл с городом Бдю-Белл, которая проходила через вершину холма. Приезжие, однако, порядком выматывались уже к тон минуте, когда достигали речной пристани. Если они везли свои пожитки в экипажах, им требовалось добрых полтора дня, чтобы доехать до Блю-Белл. Большинство удовлетворялось, добравшись до Перри или Хаммонда, и лишь немногие упрямы – или те, кто находился в бегах, – стремились зайти еще дальше. Время от времени возникали слухи, что в горах на севере есть золото, но никому так и не посчастливилось его найти. Только по этой причине здешние земли оставались незаселенными. Целые семьи добропорядочных, законопослушных людей путешествовали в фургонах или в лодках, великое множество которых плавало по реке Миссури, в надежде найти подходящий участок и обосноваться на нем. Добравшись до какого-нибудь относительно крупного города, эти люди почитали за Счастье остаться там – для переселенцев с востока, привыкших посещать церковь, наличие хоть какой-то цивилизации было немаловажно. Добропорядочные граждане требовали закона и порядка, и вскоре специально созданные отряды

¹ Rose {англ.} – роза. По всей видимости, этот каламбур лег в название данного романа. – Здесь и далее примеч. пер.

самообороны изгнали из более или менее крупных поселений, в том числе из Хаммонда, всех бандитов и прочих подонков.

Поначалу эти отряды были неплохим решением проблемы, но спустя некоторое время они сильно превысили собственные полномочия. Некоторые их участники приобрели неприятную привычку вешать всякого, кто им чем-либо не понравился. Их суд вершился быстро и далеко не всегда справедливо; зачастую слухов или чьих-то домыслов оказывалось достаточно, чтобы человека повесили на ветке ближайшего дерева. Даже значок шерифа не спасал от подобного произвола. Те из промышлявших грабежом настоящих бандитов, кто благодаря хитрости и умению вовремя скрыться избежал линчевания, покинули большие города вроде Хаммонда и поселились в Блю-Белл и его окрестностях. Посему городок вполне заслуженно пользовался весьма дурной репутацией.

Мэри Роуз никогда не отпускали в Блю-Белл одну. Поскольку Адам безвылазно находился на ранчо, ее сопровождали Трэвис, Дуглас или Кол, а когда никто из них не мог оторваться от дел, Мэри Роуз оставалась дома.

Экипаж достиг гребня холма, отделявшего прямую дорогу в город от ранчо Клэйборнов, и Кол придержал лошадей. Обычно Мэри Роуз просила его ненадолго задержаться, когда они доезжали до последнего поворота, за которым начинался спуск в долину. Как всегда, он предугадал ее желание.

– Постой минутку, – сказала она. – Я так давно здесь не была.

Кол с готовностью натянул вожжи и стал терпеливо ждать традиционного вопроса, который она должна была задать через минуту-другую – но для начала ей нужно было непременно растрогаться до слез.

– Ты чувствуешь это сейчас так, как я?

– Ты неизменно спрашиваешь меня об одном и том же каждый раз, когда я везу тебя домой, – улыбнулся Кол. – Да, я это чувствую.

Отсюда, с холма, прекрасно просматривалось их ранчо у подножия гор. Несмотря на то, что девушка прекрасно помнила эту картину, каждый раз при виде такой красоты волнение переполняло ее душу. Адам считал, что у нее отсутствует смирение перед могуществом Бога-творца. Мэри Роуз не была в этом уверена, но торжество жизни, которое она ощущала в этом великолепном пейзаже, действительно потрясало. Ей хотелось, чтобы братья разделили ее восхищение чудесной связью между Демиургом и природой. Окружающее никогда не бывало одинаковым и в то же время оставалось стабильным и незыблемым.

– Она такая же живая и красивая, как и всегда, Мэри Роуз.

– Почему вы с Адамом говорите о Монтане, как о подруге?

– Потому что она ведет себя, как ветреница, – ответил Кол. – Она непостоянна и тщеславна и никогда не покорится ни одному мужчине. Она единственная женщина, которую я люблю.

– Ты любишь меня.

– Но ты же моя сестра!

Девушка засмеялась, и ее смех эхом заметался среди сосен. Кол снова взял в руки вожжи и пустил экипаж вниз по пологому склону – они уже и так порядочно задержались.

– В таком случае можно сказать, что она приняла нас в свои объятия, – сказала Мэри Роуз. – Интересно, мои розы уже цветут?

– Пора бы уже знать, что эти цветы вовсе не розы. – И без тебя знаю, но они похожи на розы.

– Нет.

– Нет.

Вот между ними уже и возникла перебранка. Мэри Роуз удовлетворенно вздохнула: как же она рада снова увидеть родное ранчо! Дом, обшитый досками клиновидной формы,

был, пожалуй, не слишком роскошным, но ей он казался великолепным. Вдоль трех его стен шла галерея, или веранда, как называл ее Адам. Летом члены семьи Клэйборнов любили посумерничать там, прислушиваясь к звукам ночи.

Старшего брата Мэри Роуз во дворе не увидела.

– Я готова поспорить, что Адам сидит над своими книжками, – сказала она.

– Почему ты так думаешь?

– День слишком хороший, чтобы торчать в доме просто так. Мне не терпится его увидеть. Поторопись, Кол.

Девушке хотелось поскорее воссоединиться с братьями. Для каждого из них она припасла подарки – для Адама целая коробка книг, которые он ценил превыше всех сокровищ; для Кола рисовальная бумага и новые ручки, которые понадобятся ему для проектирования новой пристройки к ранчо; лекарства и скребницы для лошадей предназначались Дугласу; для Трэвиса – новый журнал для занесения туда наиболее значительных событий семейной хроники Клэйборнов; и наконец, несколько каталогов, семена, которые Мэри Роуз собиралась под присмотром Адама посадить за домом, шоколадки и фланелевые рубашки для братьев.

Встреча была радостной для всех. Братья и сестра проговорили до глубокой ночи. Прежде чем рассказать остальным о визите адвоката, приезжавшего в школу к Мэри Роуз, Кол дождался, когда девушка ушла спать. Никто из братьев не верил в совпадения, и потому были обсуждены все возможные причины, по которым незнакомец мог интересоваться семьей Клэйборн. В юношеском возрасте Дуглас и Кол совершили кое-какие противозаконные поступки, но они считали, что с тех пор утекло немало воды и их преступления забыты. Гораздо больше всех встревожило, что приезд юриста мог как-то быть связан с Адамом.

Ни для кого не секрет, что такое преступление, как убийство, никогда не забывают. Адам лишил жизни одного человека, чтобы спасти двух других, но для сыновей убитого это не имело значения. Смерть отца вовек никому не прощают – за нее мстят. Примерно с час братья шепотом обсуждали сложившуюся ситуацию, после чего Адам заявил, что глупо беспокоиться без причины и строить какие-либо догадки. Если угроза и впрямь существует, им придется выяснить ее природу и источник.

– А потом что? – спросил Кол.

– Мы приложим все силы, чтобы защитить друг друга, – ответил Адам.

– Мы не дадим тебя повесить, Адам, – заверил Трэвис.

– Давайте не переживать раньше времени, – подвел итог Адам. – Будем держаться настороже и ждать.

Месяц прошел мирно и безмятежно, и Трэвис с Дугласом уже начали подумывать, что за расспросами незнакомца-юриста ничего особенного не последует.

Но беда все-таки пришла. Она явилась к ним в обличье человека по имени Харрисон Стэнфорд Макдональд. Этот враг вторгся в жизнь Клэйборнов, чтобы разлучить их.

12 ноября 1860 года

Дорогая мама Роуз,

Ваш сын захотел чтоб я показал вам как здорово умею писать и вот я пишу вам это письмо. После того как Мэри Роуз ложится спать мы все учим грамматику и правописание. Ваш сын хороший учитель. Он не смеет, а когда мы делаем ошипки и всегда нас хвалит. Раз мы с ним теперь братья, я считаю вас своей матерью.

Ваш сын

Кол.

Глава 2

Харрисон Стэнфорд Макдональд собирал информацию о Клэйборнах, не задавая ни единого вопроса. Он был в городе чужаком и понимал, что к нему будут относиться подозрительно. Ему доводилось слышать о небольших поселениях Запада, в которых царили дикие нравы и беззаконие; кроме того, он прочел о них все, что ему удалось раздобыть. Из своих исследований он сделал вывод, что приезжие в таких городках делятся на две группы: тех, на кого не обращают внимания и оставляют в покое, потому что они не лезут в чужие дела, но в то же время имеют устрашающую внешность, и тех, кого убивают, поскольку они проявляют чрезмерное любопытство.

Кодекс чести, действующий в этих краях, изрядно озадачил Харрисона. Правила поведения показались ему едва ли не самыми отсталыми, о каких ему когда-либо приходилось слышать. Люди здесь прежде всего заботились, чтобы защитить себя от чужаков, но когда возникала вражда между соседями, все остальное отступало на задний план. Убивать друг друга тут считалось в порядке вещей – разумеется, при наличии хоть какого-то более или менее благовидного предлога.

По пути в Блю-Белл Харрисон долго думал, как ему выведать нужные сведения, и в конце концов выработал достаточно разумный, по его мнению, план. Он решил попытаться обернуть предубеждение местных жителей в отношении незнакомцев в свою пользу.

Прибыв в Блю-Белл около десяти часов утра, он приложил все усилия, чтобы выглядеть, как самый отъявленный головорез, который когда-либо появлялся в городе. Он бросал откровенно подозрительные, вызывающие взгляды на всех, кто осмеливался хотя бы посмотреть в его сторону. Надвинув на лоб новую черную шляпу и подняв воротник длиннополого плаща, он с жесткой улыбкой по-хозяйски расхаживал по широкой грязной тропе, которая называлась здесь главной улицей. Он пыжился казаться таким сорвиголовой, который убьет любого, кто станет ему поперек дороги, и понял, что делает это не без успеха, заметив, как напугал какую-то женщину с маленьким ребенком. Харрисон подавил ухмылку, понимая, что ему ничего не удастся разузнать про Клэйборнов, прояви он малейшие признаки дружелюбия к кому бы то ни было, и посему продолжал разыгрывать из себя злодея. Горожанам он понравился.

Первым местом, которое посетил Харрисон, был необыкновенно популярный у «аборигенов» салун. Подобное заведение имелось в каждом городе, и Блю-Белл не был исключением. Увидев в конце главной улицы пивную, он вошел внутрь и попросил бутылку виски и стакан. Если владельцу такой заказ и показался странным для столь раннего часа, он не подал виду. Пройдя в самый темный угол, Харрисон уселся за круглый стол и стал поджидать, пока какой-нибудь любопытный подойдет к нему поболтать.

Ждать ему пришлось недолго. Известие о появлении незнакомца распространилось со скоростью степного пожара, и через какие-нибудь десять минут Макдональд насчитал уже девять посетителей. Они расселись небольшими группками за другими столиками и принялись пялиться на него.

Ссутулившись, Харрисон вперился в свой наполненный стакан. При мысли о выпивке в столь неурочное время у него забурчало в животе. Он не испытывал ни малейшего желания даже пригубить напиток и потому с отсутствующим выражением круговыми движениями побалтывал темно-янтарную жидкость, делая вид, будто о чем-то задумался.

До него донесся шепот, потом звук шагов по деревянному полу. Харрисон инстинктивно потянулся к оружию. Откинув полу плаща, он положил ладонь на рукоятку револьвера и тут же понял, что такие рефлекторные действия совершенно необходимы, если он хотел и дальше играть роль сорвиголовы.

– Вы приезжий, мистер? – слышался чей-то голос.

Харрисон медленно поднял глаза. Человека, задавшего столь смешной вопрос, явно послали остальные. Он был безоружен и стар – лет пятидесяти. Его задубевшая кожа хранила отметины оспы, косые карие глаза почти терялись на круглом лице – все внимание притягивал огромный нос, формой напоминавший картошку.

– А ты кто такой будешь? – спросил Харрисон как можно грубее.

– Меня зовут Дули, – объявил посланец. – Не возражаете, если я присяду на минутку?

Харрисон выжидательно уставился на человека. Тот воспринял его молчание как знак согласия, выдвинул стул и уселся напротив:

– Вы кого-нибудь ищете в нашем городе?

Харрисон отрицательно покачал головой.

– Он никого не ищет! – крикнул Дули, обернувшись к остальным. – Билли, принеси-ка мне стаканчик. Я с удовольствием выпью, если незнакомец не откажется меня угостить. Ты из тех, что любят пострелять? – спросил он, снова поворачиваясь к Харрисону.

– Я из тех, кто не любит, когда им задают вопросы.

– Похоже, ты не из их числа, – заявил Дули. – Иначе ты бы знал, что Уэбстер еще вчера уехал из города. Он искал, с кем бы сцепиться, но никто не доставил ему такого удовольствия, даже Кол Клэйборн. А Кол лучше всех умеет обращаться с пушкой в наших краях. Но он, правда, больше не участвует в дуэлях, особенно теперь, когда его сестра вернулась домой из школы. Она беспокоится за его репутацию. Адам за ним присматривает. – Дули понимающе кивнул. – Он самый старший из братьев и, если хотите знать, настоящий миротворец. Обожает читать разные книжки, и когда перестаешь обращать внимание на то, какой он из себя, понимаешь – именно к этому человеку стоит пойти, если с тобой стряется какая-нибудь беда. Вы здесь думаете обосноваться или просто проездом?

Вальяжной походкой подошел Билли, владелец салуна, с двумя стаканами в руках. Поставив их на стол, он махнул человеку, сидевшему у двери.

– Эй, Генри! – позвал он. – Поди-ка сюда и заткни рот своему приятелю. Он сегодня чересчур болтлив. Я не хочу, чтобы его убили перед ленчем – это повредит репутации моего заведения.

На дальнейшие вопросы Харрисон старался отвечать так, чтобы удовлетворять любопытство слушателей лишь наполовину. К нему подсел Генри, а затем и хозяин, выдвинув стул и поставив ногу в сапоге на сиденье, включился в разговор. Харрисон понял, что трое его собеседников – старые приятели и любят поболтать. Вскоре, перебивая друг друга, уже всю рассказывали истории из городской жизни. Троица напоминала Харрисону старых дев, которые вечно суются не в свои дела, но при этом никому не желают зла. Харрисону оставалось только запоминать информацию, провоцируя дружков своим безучастным отношением на новые откровения.

В конце концов разговор зашел о том, много ли в округе женщин.

– Здесь они встречаются редко, что твои алмазы, но у нас есть на примете семь или восемь подходящих. А две из них прямо-таки хорошенькие. Взять, к примеру, Кэтрин Моррисон. Ее отец – владелец магазина. У нее красивые каштановые волосы и ослепительная улыбка.

– Ну с Мэри Роуз Клэйборн она не сравнится, – встрял Билли. После этой фразы в зале слышались громкие восторженные выкрики. Казалось, беседе внимают все посетители салуна.

– Она не просто смазливая, – заявил седовласый мужчина.

– Да, посмотришь на нее – и аж дыхание перехватывает, – согласился Генри. – А уж добрая да ласковая, прямо как ребенок.

– Что правда, то правда, – сказал Дули. – Если кому-то требуется помощь, она тут как тут.

– Индейцы со всей округи идут, чтобы заполучить прядку ее волос. Она просто в отчаяние приходит, но неизменно дает им свой локон. Они такие красивые – как золотые нити. Индейцы считают, что они приносят удачу. Разве не правда? – обратился Генри к Билли.

Билли кивнул.

– Однажды двое каких-то полукровок попытались выкрасть ее с ранчо. Дескать, их околдовали ее голубые глаза, и они вроде как впали в транс. Помните, что тогда случилось, парни? – спросил хозяин салуна приятелей.

– Еще как помню – словно это было вчера, – хохотнул Дули. – Адам в тот день был отнюдь не миротворцем, верно, Гоуст?

Человек с совершенно белыми волосами и длинной, нечесаной бородой кивнул.

– Сэр! – гаркнул он. – Он чуть не разорвал одного из метисов пополам. С тех пор больше никто не пытался ее увести.

– За мисс Мэри не особенно-то и ухаживают, – сказал Билли. – А ей уже давно пора обзавестись двумя или тремя ребятами.

Харрисону не пришлось спрашивать, почему за Мэри Роуз не приударяют – Дули тут же с радостью все объяснил:

– У нее четверо братьев, с которыми никто не хочет связываться. Потому-то она и не замужем. Держитесь от нее подальше.

– Эй, да она на него и не посмотрит! – крикнул Гоуст.

– Ее тянет ко всяким недотепам и слабакам, – подтвердил Дули. – Похоже, она считает своим долгом их опекать, уж такая добросердечная.

– Ее братья прямо бесятся от того, что она вечно тащит в дом всяких убогих, но все же мирятся с этим, – сообщил Билли.

– К нам она тоже хорошо относится, хотя мы не какие-то там слюнтяи, – заявил Дули, явно стремясь, чтобы у приезжего сложилось верное представление о существующем порядке вещей.

– Само собой, – согласился Генри. – Поймите нас правильно, мистер. Мисс Мэри к нам расположена, потому что мы давно здесь живем и она к нам привыкла. Если хотите, можете часа через два на нее взглянуть. Около полудня мы специально подходим к магазину, чтобы лишний разок на нее полюбоваться. И всегда-то она найдет Доброе слово для каждого. Надеюсь, сегодня она приедет вместе с братом Дугласом.

– Это еще почему? – спросил Билли.

– Моя кобыла опять занервничала. Нужно, чтобы док ее как следует посмотрел.

– Если вам нужна хорошая лошадь, у Дугласа на конюшне их полно, – обратился к Харрисону Дули. – Он отлавливает диких, объезжает их и время от времени продает. Но вам придется ему понравиться – Дугласу безразлично, кому достаются его лошади. Вообще-то он никакой не доктор, но мы любим его так называть.

– Ему это не по душе, Дули, – крикнул Гоуст.

– Да знаю я! – раздраженно буркнул в ответ Дули. – Поэтому-то в глаза мы никогда не называем его доком. Но, однако ж, с животными он обращаться умеет и про лекарства много чего знает.

– Вы-то чем занимаетесь? – обратился к Харрисону Билли. – Я просто интересуюсь, мистер.

– Да я что-то наподобие юриста.

– Этим не заработаешь, чтобы регулярно набивать себе брюхо.

А еще что-нибудь делаете?

– Охочусь.

– Значит, вы траппер, – провозгласил Генри.

Харрисон покачал головой.

– Не совсем, – сказал он, уходя от прямого ответа. Сейчас он в самом деле промышлял, но не собирался рассказывать этим людям, что предмет его притязаний – украденный ребенок, к тому же успевший превратиться во взрослую женщину.

– Вы или траппер, или нет, – сказал Генри. – Охотничье снаряжение у вас есть?

– Нет.

– Тогда вы не траппер, – продолжал Генри. – А может, вы фермер? Вы когда-нибудь работали на ранчо? У вас для этого подходящее сложение. Мне не попадались такие высокие и широкоплечие парни, как вы. Глядя на вас, вспоминаешь двоих братьев Клэйборнов, ну и Джонни Симпсона, конечно, но вы, пожалуй, на полголовы выше любого из них.

– Может, скажете нам, как вас зовут? – спросил Генри.

– Харрисон. Харрисон Макдональд.

– У вас имя звучит как фамилия, верно? – заметил Дули. – Вы не обидитесь, если я буду называть вас Харрисон, или лучше все-таки Макдональд?

– Зовите меня Харрисон.

– Ладно, на том и порешим – тем более если вы захотите здесь обосноваться. У вас какой-то чудной выговор, – не удержался Дули и торопливо поднял вверх руки. – Я вовсе не хотел вас оскорбить. Просто я никак не пойму, откуда вы.

– Из Калифорнии? – предположил Генри.

– А я так думаю, из Кентукки! – выкрикнул Гоуст.

– Я родился в Шотландии, а вырос в Англии, – ответил, покачав головой, Харрисон. – Это за океаном, – добавил он на тот случай, если собеседники не знали, где находятся упомянутые им страны.

– Юрист в городе нужен, – сказал Билли. – У нас тут нет ни одного. Если Адам Клэнборн не знает, что посоветовать, нам придется ехать в Хаммонд. Судья Берне обрадуется, если вы здесь поселитесь. Он вечно расстраивается из-за того, что ему приходится работать с... как он нас называет?

– Невежественные, – подсказал Дули.

– Вот-вот, с невежественными людьми. На мой взгляд, в законах чересчур много всяких закавык и тонкостей. Правительство наплодило горы бумаг, которые надо заполнять.

– Что правда, то правда, – поддержал приятеля Гоуст. – Раньше получить кусок земли ничего не стоило. Нужно было только осесть на нем – и все, он ваш. А теперь приходится платить деньги да еще оформлять всякие бумаги.

– Так как, вы здесь поселитесь? Бьюсь об заклад, Моррпсон сдаст вам часть того склада, что напротив его магазина. Вы сможете заняться практикой и зарабатывать пару долларов в месяц.

– Я еще не знаю, что буду делать дальше, – пожал плечами Харрисон.

– У вас достаточно средств, чтобы продержаться до тех пор, пока вы что-нибудь не решите? – спросил Генри.

Харрисон не признался, что у него есть деньги.

– Нет, – ответил он. – Вряд ли мне хватит больше чем на пару дней.

– Ничего, не пропадете, – сказал Дули. – Вы вон какой большой и сильный. Найметесь и заработаете себе на прокорм.

– На это я и рассчитывал, – солгал Харрисон.

– А что вы все-таки делаете в Блю-Белл, мистер? – спросил Билли. – Конечно, меня это не касается, но все же любопытно.

– Называйте меня Харрисон. Я не делаю из этого секрета. У меня здесь что-то вроде охоты на диких гусей. Во всяком случае, мой работодатель считает, что моя поездка окончится ничем.

– Так у вас уже есть работа? – спросил Дули.

– Сейчас у меня временный отпуск.

– Значит, вы можете у нас остаться? – спросил Генри. – Пожалуй.

– По-моему, в этом есть смысл, – объявил Билли. – Вкалывать надо только на самого себя. У нас так заведено. Человек ни от кого не должен зависеть.

– Позвольте задать вам один вопрос? – спросил Гоуст.

– Что именно вы хотите выяснить?

– Да я тут надумал лошадь украсть. – Гоуст встал и подошел к столу. – Тип, у которого я собираюсь ее увести, много лет назад отбил у меня жену, и мне кажется, я вправе с ним по квитаться, верно ведь?

Харрисон откинулся на спинку стула, сдерживая улыбку. Вопрос был забавный, но он не хотел, чтобы Гоуст подумал, будто он над ним смеется.

– Мне жаль вас разочаровывать, – сказал он. – Ваше самолюбие уязвлено, и справедливость на вашей стороне, но закон – нет.

Дули ударил ладонью по столешнице и захохотал.

– Вот и я говорю то же самое! – проорал он. – Если он украдет у Ллойда лошадь, эти типы из отряда самообороны его повесят.

Гоусту ответ Харрисона не понравился. Он отошел от стола, бормоча что-то себе под нос. Однако его вопрос вызвал град других, и в течение следующего часа Харрисон давал бесплатные юридические консультации. Хотя он получил образование в Оксфорде и стажировался в Англии, работая на владельца двух промышленных фабрик, регулярно отправлявшего свой товар на восточное побережье Америки, Харрисон имел общее представление об американском законодательстве.

Его всегда занимало, как по-разному трактовали закон английские и американские суды. Он без устали собирал сведения о необычных делах и вердиктах. Коллеги Макдональда находили все это весьма неинтересным, но Харрисон любил произведения философов, в особенности Платона, а также ученых, заложивших основы политической и правовой системы его страны. Он считал для себя необходимым быть в курсе всех последних судебных решений, чтобы в итоге стать лучшим в своей области. За что бы ни брался Харрисон, он неизменно стремился к совершенству.

Страсть к юриспруденции и сострадание к согражданам сделали Харрисона непопулярным в определенных кругах. Благодаря тому, что он работал на могущественного лорда Эллиота, его ни разу не забаллотировали, хотя временами он бывал близок к этому – и все это по той причине, что брался за явно невыигрышные дела. Харрисон быстро завоевывал себе репутацию заступника обездоленных жителей лондонских трущоб. Разумеется, он вовсе не стремился к этому, и если бы в студенческие годы кто-нибудь сказал ему, что он станет специалистом по уголовному праву, Харрисон никогда бы не поверил этому человеку.

Непрощеная слава привела к разрыву его помолвки с леди Эдвиной Хорнер, которая испугалась его скандальной известности. Так называемые друзья предупреждали, чтобы он отказался от своей смехотворной идеи, будто бедные в Англии должны обладать теми же правами, что и богатые. Харрисон, однако, не собирался отказываться от своих убеждений.

– Может, в Англии законы не такие, как у нас, – предположил Гоуст, снова подойдя к столу и с надеждой глядя на Харрисона. – И меня все-таки не повесят, если я украду лошадь у Ллойда, – он ведь первый заварил всю эту кашу.

Харрисон покачал головой – похоже, Гоуст не собирался отказываться от своего плана.

– Я хорошо изучил американские законы и уверен, что вас все равно признают виновным.

– Невзирая на то, что он сыграл со мной втемную и первый меня наколол?

Харрисон впервые слышал подобные выражения, но не сомневался, что дает правильный совет.

– Да.

Последовал новый шквал вопросов. Теперь уже все любопытные, которые поначалу наблюдали за Харрисоном издали, сгруппировались у его стола полукругом. Похоже, никто из них никуда не торопился.

Внезапно двери салуна распахнулись.

– Мисс Мэри едет!

Человек, прокричавший эти слова, тут же развернулся и рысцой припустил куда-то по улице.

Мужчины все как один повскакали с мест и бросились прочь из салуна. В образовавшейся толчее Дули едва не сбили с ног, по ему все же удалось сохранить равновесие. Он обернулся к Харрисону:

– А вы что же сидите? Взгляните на нашу мисс Мэри хоть одним глазком – не пожалее.

Поскольку нежелание лицезреть местную знаменитость могло показаться Дули странным, Харрисон встал и последовал за стариком. Однако он вовсе не спешил встретиться с молодой женщиной. Когда он вышел на улицу, Дули уже преодолел полпути, пробежав целый квартал строений.

Миссия Макдональда могла вот-вот закончиться, но в эту минуту его вдруг обуяли противоречивые чувства. Он пообещал лорду Эллиоту, что это приключение будет последней попыткой разрешить загадку, которая не давала Харрисону покоя. Если Эллиот окажется прав, вся эта поездка и предшествующие ей поиски выльются всего лишь в утомительную погоню за призраком. Харрисон устало вздохнул. По мнению лорда, факты свидетельствовали о том, что Мэри Роуз Клэйборн никак не может быть его, Эллиота, дочерью. Пропавшая некогда девочка по имени Виктория была его единственным ребенком, а у Мэри Роуз оказалось четверо братьев. Но, хотя эту информацию подтвердил адвокат из Сент-Луиса, кое-что из его сведений Харрисон счел весьма интригующим. Так, адвокат передал, что во время встречи с ним Мэри Роуз вела себя настороженно и отказалась сообщить даже имена своих братьев. Невзирая на отменно вежливое поведение девушки, было нетрудно заметить, что она напугана. Даже директриса не смогла сделать ее сговорчивее.

Старшая воспитательница проявила куда большее рвение. Она рассказала юристу, что в начале каждого семестра Мэри Роуз привозили в школу двое ее братьев. Правда, она не видела ни одного из них даже издали и потому не сумела их описать. О ком-то из них ходили нехорошие слухи, но женщина заявила, что не собирается наушничать. Когда же некая воспитанница начала распространять о Мэри Роуз всяческие небылицы, то их быстро пресекли. Сплетни – занятие недостойное молодых леди.

Больше из классной дамы не удалось выжать ничего. Харрисон покачал головой. Сам собой, на домыслы ориентироваться не стоило. По-видимому, сбудется пророчество Эллиота – просто это очередной случай некоторого внешнего сходства между двумя женщинами. Эллиот давно уже убеждал его оставить всю эту историю, как в конце концов поступил он сам, смирившись с душераздирающей мыслью, что маленькая Виктория Эллиот умерла вскоре после рождения. Подспудно Харрисон разделял мнение лорда, но стремясь как-то отблагодарить человека, который многие годы всячески помогал и поддерживал его, Харрисона, отца, он предпринимал все новые и новые попытки доказать обратное.

Макдональд считал себя реалистом, но какое-то внутреннее чутье говорило ему, что он должен поехать в Монтану и во всем разобраться. Его поездка вовсе не была попыткой ухватить рукой радугу. Он находился в Америке, когда получил телеграмму о заинтересовавшем его случае в школе, где училась Мэри Роуз. Чикаго лежал всего в дне пути от того места, где он обретался в ту минуту; он побывал на окраине города и переговорил с женщиной, которая якобы видела дочь Эллиота. Побеседовав с миссис Анной Миддлшо и получив доклад адвоката, встретившегося с Мэри Роуз, Харрисон решил все же съездить в глубинку. Миссис Миддлшо не производила впечатление человека, склонного к театральным эффектам или чрезмерно впечатлительного. По ее мнению, ни один человек не может так походить на другого, если между ними нет кровного родства. Харрисону очень хотелось верить, что она права.

Он настроился на то, что ему предстоит испытать разочарование, и сошел с деревянного тротуара. В этот миг его внимание привлек блеск металла. Харрисон обернулся назад и увидел, как футах в пятнадцати от него из переулка высунулось нечто, похожее на ствол дробовика. Державший оружие направлял его на группу людей перед магазином. Среди них Харрисон узнал Генри, Гоуста и Дули, но на противоположном тротуаре стояли кружком еще трое незнакомцев. Рядом с Генри находился человек с пшеничными волосами. Когда он сделал шаг назад, ствол проводил его. Тот, однако, снова сменил позицию, и в ту же минуту Дули закрыл его от неизвестного, скрывающегося в засаде. Дробовик снова опустился.

Он решил вмешаться. Мужчины повалили в магазин. Переходя через улицу, Харрисон снял плащ, бросил его на коновязь около тротуара и тоже вошел внутрь. Его тут же окутали запахи кожи и специй. Магазин по размеру почти не уступал ни одной из его конюшен. Посередине был сделан широкий проход, еще два тянулись по сторонам. Полки были забиты продуктами, одеждой, кирками, лопатами и множеством других разнообразных предметов.

Такой безалаберщины Харрисон не видел ни разу в жизни. При его пристрастии к дисциплине и порядку подобный хаос привел его в ужас. Рулоны цветной ткани кривобокой пирамидой валялись на столе в углу подле трех огромных бочек с соленьями. Какой-то неопрятный мужичонка запустил руку в одну из них, вытащил из рассола большой огурец и вытер пальцы кружевами, свесившимися со стола. Материя упала прямо ему под ноги, и мужичок, направляясь к выходу, спокойно перешагнул через нее.

Если бы Харрисону пришлось работать в такой обстановке, он сошел бы с ума. Как владелец магазина находил нужный товар в этой свалке? Вздохнув, Макдональд подошел к окну неподалеку от входа, собираясь оставаться там, пока не обнаружит в толпе человека с пшеничными волосами. Харрисон был по меньшей мере на голову выше любого из посетителей, находившихся внутри магазина, но ему не удавалось нигде углядеть Пшеничного. Макдональд, однако, выжидал, понимая, что даже в царящем здесь кавардаке тот все же не мог просто раствориться в воздухе. Дули, шептавший что-то хорошенькой молодой леди с каштановыми волосами, помахал ему рукой. Наверное, его собеседница была дочерью хозяина магазина, той самой Кэтрин Моррисон. Дули жестами подзывал Харрисона к себе, но тот покачал головой и остался на месте. Он боялся прозевать Пшеничного.

Через несколько минут он услышал, как Дули произнес что-то насчет «стеснительности». Поскольку старик смотрел прямо на него, он понял, что речь идет о нем, и усмехнулся. Девушка тоже попыталась привлечь внимание Харрисона, подарив ему соблазнительную улыбку. Но в эту минуту он пренебрег правилами хорошего тона, поскольку гораздо важнее было предупредить пшеничного незнакомца об опасности.

Обычно Харрисон не вмешивался в чужие дела, но свято верил в необходимость вести честную игру. Попытка же застрелить ничего не подозревающего противника из засады казалась ему проявлением трусости, а трусов он не выносил.

Наконец терпение его лопнуло, и он собрался немедленно разыскать Пшеничного, но стоило ему тронуться с места, как тот появился в центральном проходе с мешком муки на плече. Харрисон решил подождать, пока мужчина с мешком дойдет до выхода. В это время какая-то молодая женщина, обогнав Пшеничного, торопливо направилась прямо к нему.

Боже мой, подумал Харрисон, должно быть, это и есть леди Виктория. Едва взглянув на ее высокие скулы и сияющие голубые глаза, он сделал глубокий вдох и забыл выдохнуть, словно парализованный охватившим его изумлением. Сердце заколотилось у него в груди, но только почувствовав боль, Харрисон медленно выдохнул.

Он отказывался верить своим глазам. Прелестная женщина выглядела словно ожившее изображение леди Агаты, портрет которой висел над камином в библиотеке Эллиота. Сходство было просто поразительное – вплоть до россыпи веснушек на переносице. Харрисон внезапно испытал то же самое ощущение, которым поделилась с ним миссис Миддлшо.

Чем ближе подходила к нему Мэри Роуз Клэйборн, тем заметнее становились мелкие различия между нею и матерью. У Харрисона вырвался вздох разочарования. Необычный, почти миндалевидный разрез глаз девушки и овал лица очень напоминали черты леди Агаты, но теперь он уже не был в этом уверен. Черт возьми, она немного походила и на пшеничного мужчину! Но как это понимать, если она так похожа на покойную жену Эллиота!

Когда Харрисон в последний раз видел леди Агату, ему было всего десять лет. Они вместе с мужем отбывали в Америку, чтобы присутствовать на церемонии открытия их фабрики поблизости от Нью-Йорка. Ему запомнилось очень немного – чудный запах, напоминавший аромат цветов после дождя, улыбка, любовь и доброта, которые светились в ее глазах, тепло и нежность ее рук. Но все эти воспоминания, как бы дороги они ни были для мальчика, потерявшего собственную мать, не могли помочь ему теперь.

С тех пор он больше не встречался с леди Агатой. Вернувшись в Лондон, она, одетая в черное, жила затворницей у себя дома, скорбя об исчезновении своей четырехмесячной дочери.

У Харрисона возник новый план. Он больше не будет играть роль самого опасного головореза, когда-либо появлявшегося в городе. Этот трюк уже помог ему получить необходимую информацию и добиться расположения посетителей салуна. Но Мэри Роуз Клэйборн такая личина вряд ли придется по вкусу. Ей нравились безобидные, беспомощные чудаки, и он решил прикинуться наивным и простодушным городским парнем, явно не приспособленным к местным условиям и потому рискующим с минуты на минуту превратиться в труп. Макдональд от души надеялся, что ему удастся ее провести.

Мэри Роуз Клэйборн сразу же заметила незнакомца у окна магазина Моррисона. Настоящий гигант невольно привлекал внимание. Взглянув на его темно-каштановые волосы и очень выразительные серые глаза, девушка подумала, что он даже красив суровой, дикой красотой. Впрочем, она выделила его просто потому, что он был бледным как Привидение, и ей даже показалось, будто у него какое-то горе.

При мысли о привидении девушка улыбнулась, удивляясь, как подобная чушь могла прийти ей в голову. Разную нечисть наблюдал только Гоуст, стоило ему хватить изрядную порцию самогона – именно этой привычкой он и был обязан своему прозвищу, которое прилипло к нему так крепко, что многие давно забыли его настоящее имя.²

Мэри Роуз не хотелось, чтобы незнакомец выглядел таким грустным, и она решила с ним познакомиться, надеясь, что сумеет ему чем-то помочь.

В последнюю минуту, однако, она изменила свое намерение, увидев, что пояс незнакомца охватывает ремень с кобурой, в которую аккуратно засунут шестизарядный револьвер. Мэри Роуз сообразила, что этот человек вполне мог оказаться одним из тех типов, кото-

² Ghost – привидение, призрак (англ.)

рые появлялись в городе с единственной целью спровоцировать ее брата Кола на дуэль. В таком случае она не собиралась ему помогать. Более того, вполне была способна убить его собственными руками.

В то же время девушка понимала, что, возможно, торопится с выводами, а потому лучше всего будет не обращать на незнакомца внимания. Дойдя до выхода, она хотела открыть дверь шедшему за ней брату, руки которого были заняты мешком, но Харрисон быстро преградил ей дорогу и, прислонившись к косяку, стал ждать, пока она посмотрит ему в лицо. Наконец она сделала это с восхитительной неторопливостью.

– Я бы повременил выходить наружу, мэм, – сказал Харрисон.

– Вот как?

– Да, – повторил он, покачивая головой.

Девушка смотрела на него непонимающим взглядом. Тут он улыбнулся, и Мэри Роуз едва не улыбнулась ему в ответ. Она стояла всего в футах от Макдоуальда, и потому ей пришлось довольно сильно запрокинуть голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Она не могла взять в толк, что именно его развеселило. Бледность уже схлынула с лица незнакомца. По его бронзовому загару она догадалась, что ему приходится много времени проводить на солнце.

Тряхнув головой, Мэри Роуз сбросила оцепенение. – А почему мне не следует выходить? – спросила она. Харрисон сообразил, что не сможет ответить на вопрос девушки, пока смотрит ей в глаза. Она была так прелестна! От нее исходил едва ощутимый запах, так похожий на аромат духов, которыми пользовалась его мать. Харрисон вел себя словно школьник, но не мог заставить себя прекратить улыбаться. И при этом он постоянно помнил о том, что она, возможно, дочь Эллиота.

Ему, однако, недолго пришлось парить в эмпиреях – его быстро вернул к действительности голос человека с пшеничными волосами.

– Открой дверь, Мэри Роуз, – приказал он, глядя на Харрисона.

– Джентльмен считает, что нам не следует торопиться выходить наружу, – ответила она, повернувшись к брату и пожимая плечами. – Я не знаю почему.

Кол не сводил глаз с Харрисона. Когда он снова заговорил, тон его был весьма жестким:

– Послушайте, мистер. Если вам хочется познакомиться с моей сестрой, подождите, пока я погружу в экипаж этот мешок. Тогда, может быть, я разрешу вам перекинуться с ней двумя словами.

– Он не даст вам со мной поговорить, – пояснила Мэри Роуз. – Мой брат никогда не позволяет мне беседовать с незнакомыми людьми. Меня зовут Мэри Роуз Клэйборн. А вы кто такой, ради всего святого?

– Харрисон Стэнфорд Макдональд.

– Рада познакомиться с вами, мистер Макдональд, – кивнула девушка. – А теперь позвольте мне выйти.

– Сначала мне бы хотелось потолковать с вашим братом.

– Вы любите разрешать споры с помощью револьвера? – спросила Мэри Роуз, делая шаг назад и наступая Колу на ногу.

В ее голосе слышались обвиняющие нотки.

– Не вздумайте спровоцировать моего брата на дуэль, – сказала она. – Ему это совершенно ни к чему. Вам лучше уехать из Блю-Белл, сэр. Вы здесь никому не нужны.

– Прекрати, ради Бога, Мэри Роуз, – заговорил Кол. – Я как-нибудь обойдусь без твоей помощи. Так вы стрелок, мистер?

Харрисон отрицательно покачал головой, пораженный тем, в какое русло повернул разговор.

– Нет, – ответил он, поворачиваясь к Мэри Роуз. – Во что, вы сказали, я собираюсь втянуть вашего брата?

Девушка широко раскрыла глаза:

– Кол, он не знает, что такое дуэль. Вы откуда, мистер Макдональд?

– Из Шотландии.

– А зачем вы приехали в Блю-Белл?

– Ищу место, где можно поселиться.

– Так, значит, вы не собираетесь стреляться с моим братом?

– К чему мне это, мэм? Я ведь его даже не знаю.

У девушки вырвался вздох облегчения.

– Ну тогда ладно, – прошептала она и, откинув назад волосы движением, которое показалось Харрисону удивительно женственным, приветливо улыбнулась. – Вообще-то я не думала, что вы стрелок, но все же у меня были сомнения...

– Ради Бога, Мэри Роуз, открой дверь, – перебил ее Кол.

– Но я еще не представила тебя мистеру Макдональду, – запротестовала сестра.

– Мне вовсе ни к чему с ним знакомиться, – пробормотал Кол. – На улице около экипажа ждет Дуглас. Открой же дверь.

Похоже, Мэри Роуз не слишком испугалась сердитых интонаций в голосе брата. Она продолжала улыбаться Харрисону и вела себя так, словно у нее была уйма времени, чтобы с ним поговорить.

– Моего брата зовут Кол Клэйборн. У него есть еще третье имя, но он его очень стесняется и убьет меня, если я проговорюсь. Кол, познакомься, пожалуйста, с мистером Харрисоном...

– Мэри Роуз, клянусь, я сейчас сброшу этот тяжеленный мешок тебе на голову.

Девушка вздохнула:

– Вообще-то мой брат очень добр, сэр, вы в этом убедитесь, если узнаете его поближе.

Харрисон, однако, не разделял мнения девушки. Жесткое лицо Кола оставалось непроницаемым, будто маска, но одно было ясно – терпение у брата Мэри Роуз кончается. Харрисон решил рассказать Колу об устроенной на него засаде прежде, чем он выйдет из себя и попытается прорваться на улицу.

– Там, снаружи, вас собираются подстрелить, – начал он тихо, стараясь, чтобы другие посетители магазина не слышали его слов. – Этот человек поджидает вас в переулке на противоположной стороне улицы. Я хочу предупредить вас заранее.

Раздражение Кола тут же улетучилось.

– Вы видели этого парня? – спросил он. Харрисон отрицательно покачал головой.

– Я хотел выстрелом выбить ружье у него из рук, но, правду говоря, я купил револьвер совсем недавно и еще не успел его опробовать, а потому побоялся ненароком кого-нибудь ранить.

– Так оно обычно и случается, – разгневанно сказал Кол.

– Простите, что не сумел вам помочь, – произнес Харрисон. – Но пока я не выясню, насколько точный бой у моего револьвера...

Он намеренно сделал паузу, давая возможность Мэри Роуз и ее брату сообразить все без его помощи.

– Вы носите с собой оружие, из которого еще ни разу не стреляли? – ахнула Мэри Роуз.

– Да, мэм.

На сей раз Харрисон не лгал ей, но сознательно утаивал нужную информацию, будучи уверен, что мысль девушки пойдет в нужном для него направлении. Ему претило манипулировать ею, но это было необходимо, чтобы завоевать ее доверие и выяснить главное.

– Вы что, с ума сошли? – спросила она.

– Вряд ли, – ответил Харрисон.

– О Господи, неужели вы не придумали ничего лучшего, чем расхаживать по городу с оружием? При вашем сложении вы наверняка вяжетесь в какую-нибудь драку и оглянуться не успеете, как вас убьют. Вы этого добиваетесь, мистер Макдональд?

Мэри Роуз, подбоченясь, смотрела на него как на слабоумного, чем-то напоминая ему преподавателя, делающего замечание нерадивому студенту. Правда, у Харрисона никогда не было таких молодых и красивых учителей – в основном это были старые люди, высохшие словно палые листья. Как ни странно, ему льстили внимание девушки и ее явное беспокойство за него. Он решил, что слыть недотепой не так уж плохо.

– Нет, мэм, – ответил Харрисон, стараясь выглядеть встревоженным. – Я хочу научиться управляться с моим новым револьвером. Но как это сделать, если я буду держать его где-нибудь в багаже?

Кол испустил громкий вздох, и Харрисон тут же обернулся к нему:

– Хотите, я помогу вам? Я мог бы погрузить мешок в ваш экипаж и сходить за шерифом.

– В Блю-Белл нет шерифа, – пояснила Мэри Роуз. Харрисон изобразил удивление:

– Тогда кто же здесь следит за порядком?

– Никто, – ответила девушка. – И именно поэтому сей городишко – очень опасное место для таких, как вы. Вы ведь выросли в большом городе, сэр, не правда ли?

Харрисон постарался пропустить мимо ушей жалость, прозвучавшую в ее последнем вопросе.

– Вообще-то да. Прошу вас, называйте меня просто Харрисон. «Сэр» и «мистер» звучат в этих краях чересчур официально.

– Хорошо, – согласилась Мэри Роуз. – Харрисон, пожалуйста, снимите свой пояс. Бьюсь об заклад, что кто-то сказал вам, будто здесь это модно, ведь так? Или вы об этом где-то вычитали?

– Да, я где-то прочел, что здесь это необходимый элемент мужского костюма.

– О Господи, – вздохнула девушка.

Колу надоело ждать. Наклонившись вперед, он сбросил с плеча мешок, прислонил его к стене и размял мышцы. Затем направился к двери, и Харрисон с Мэри Роуз посторонились, чтобы дать ему пройти. Кола, похоже, не слишком беспокоило то, что кто-то поджидает его в Переулке с ружьем наготове. Он отвел сестру подальше от дверного проема, вынул из кобуры револьвер и приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель проник тонкий солнечный луч.

Дуглас стоял перед самым входом в магазин рядом с экипажем, впершись на коновязь, и, казалось, спал. Кол свистнул, чтобы привлечь его внимание. Харрисон наблюдал за Мэри Роуз. В ту самую секунду, когда ее брат потянулся за оружием, она закрыла уши ладонями и с покорным выражением лица уставилась в потолок.

– Дуглас, ложись!

Пролаяв эту команду, Кол тут же высунулся из-за двери, прицелился и три раза подряд быстро нажал на спусковой крючок. Оглушительный грохот выстрелов заметался по помещению магазина, отражаясь от стен. Задрожало оконное стекло.

– Ну вот, теперь все в порядке, – промолвил Кол, мгновенно возвращая оружие в кобуру.

Затем он подхватил мешок с мукой и вышел на улицу. Его небрежное отношение к случившемуся было весьма удивительным, но Харрисона главным образом поразили тот факт, что большинство посетителей никак не отреагировало на происшедшее. Неужели подобные вещи творятся здесь каждый день? Харрисон уже готов был в это поверить.

– Кол, ты забыл поблагодарить Харрисона, – напомнила Мэри Роуз.

– Спасибо, что предупредили, – неохотно бросил через плечо ее брат.

Девушка не стала требовать от Кола большего. Она знала, каких усилий ему стоят подобные любезности. К тому же Колу, вероятно, не слишком приятно сознавать, что какой-то незнакомец спас ему жизнь.

– Кто это тебя поджидал, Кол? – спросила Мэри Роуз.

– Не за что, – одновременно с ней произнес Харрисон.

Кол бросил мешок с мукой в заднюю часть экипажа, где уже лежали другие покупки, и повернулся, чтобы ответить на вопрос сестры:

– Скорее всего Уэбстер. Этот сукин... – Кол замолчал, так и не высказавшись до конца о подонке, рассчитывавшем застрелить его из-за угла. – У него на меня зуб, потому что я отказался стреляться с ним на прошлой неделе. Жаль, что я не убил его тогда. Теперь он уже не отвяжется. Правда, я его зацепил, и прежде чем пытаться проделать подобную штуку еще раз, ему придется заштопать полученные дырки. Ты готова ехать, Мэри Роуз?

– Подожди минутку.

Девушка повернулась к Харрисону:

– Было очень любезно с вашей стороны предупредить брата об опасности. Он высоко оценил ваш поступок. К сожалению, ему очень трудно выказать это – он не любит ни у кого быть в долгу.

– На моем месте это сделал бы каждый.

– Хорошо, если бы это было так, – ответила девушка. – Возможно, в Шотландии соседи помогают друг другу, но в Блю-Белл все обстоит иначе.

Харрисон кивнул и снова принялся смотреть на нее, раздумывая, о чем бы еще поговорить. Он почувствовал себя неуклюжим простаком: девушка вот-вот уедет, а он не может сказать ничего такого, что задержало бы ее рядом с ним хотя бы еще на несколько минут.

От Макдональда не укрылась комичность ситуации. Ведь он, в конце концов, был юристом, человеком, который только тем и занимался, что беседовал, спорил и препирался с кем-то, кому-то льстил – это был его хлеб. Но сейчас он словно онемел и не понимал, что с ним творится.

Господи, до него же у нее чудесные глаза.

Стоило Харрисону так подумать, как он тотчас осознал, что у него возникли проблемы. Присутствие молодой леди превращало его мозги в кисель. Он испытал отвращение к самому себе – не хватало еще, чтобы физическая привлекательность девушки помешала выполнению его планов.

Мэри Роуз потеряла уже достаточно много времени, но ей почему-то не хотелось ехать домой – она истолковала это как беспокойство за судьбу незнакомца, который оказался таким любезным.

– Я вот думаю...

– Да? – с нетерпением выпалил Харрисон, словно маленький мальчик, ожидающий подарка.

– Почему вы хотите научиться стрелять?

Черт побери, подумал Харрисон, ему снова придется лгать этой девушке. Наверное, ему было бы легче, если бы она не смотрела на него такими невинными доверчивыми глазами. Но правда сейчас оказалась бы явно некстати – если Харрисон признает, что весьма неплохо обращается с оружием, Мэри Роуз уйдет и даже не обернется назад.

Играть роль пентюха было крайне унижительно. Обучаясь в университете, он завоевал немало призов за меткость – как в тире, так и в полевых условиях, а во время службы в армии научился стрелять быстро. Хотя Харрисон не любил шестизарядные револьверы, он, однако, приложил немало усилий, чтобы научиться как следует управляться с этим оружием, столь популярным среди мужчин. Со временем он привык к револьверам, и они не раз спасали его.

Пожалуйста, скажите мне, для чего вам нужно обучиться стрельбе из револьвера? – снова спросила девушка.

– Я подумываю стать фермером, – ответил Харрисон. – Мне кажется, что навык в обращении с оружием не помешает.

– Мы живем на ранчо в нескольких милях от города. Оно называется Роуз-Хилл. Вы, случайно, никогда о нем не слышали?

Мэри Роуз тотчас же пожалела, что этот глупый вопрос сорвался с ее губ. Но разговаривать мужчине можно было только таким образом, а девушке очень нравился необычный акцент Харрисона. – Нет, – ответил Макдональд.

Харрисон и Мэри Роуз молча смотрели друг на друга еще с минуту, после чего Мэри Роуз собралась уходить. Она уже вышла из магазина, но вдруг снова остановилась.

Кол с Дугласом наблюдали за ней, прислонившись к экипажу, сложив руки на груди и скрестив ноги, обутое в сапоги. На лицах обоих застыло выражение терпеливой покорности – они уже привыкли к тому, что Мэри Роуз вечно копается.

Улыбнувшись им, девушка снова повернулась к Харрисону. Она обрадовалась, увидев, что он вышел на улицу следом за ней. Харрисон не сводил глаз с Дугласа и, вероятно, недоумевал, кто он такой. Девушка решила представить их друг другу после того, как она изложит Макдональду свои планы на ближайшее будущее. А планы эти заключались в том, чтобы просто-напросто как-то помочь этому человеку, выглядевшему таким одиноким и потерян-ным.

– Я не могу бросить вас здесь одного, – сказала Мэри Роуз. Ее слова разом вернули Харрисона к реальности.

– Не можете? – переспросил он.

Девушка оглянулась через плечо, желая знать, смотрят ли на нее по-прежнему ее братья, и убедилась, что не только смотрят, но и неодобрительно хмурятся. Она послала им улыбку, а затем взяла Харрисона за руку и отвела его подальше от Кола и Дугласа.

– Нет, я положительно не могу вас здесь оставить. Если я что-нибудь не предприму, вы влипнете в неприятности.

– Почему вы так думаете?

Мэри Роуз поразило, что Харрисону требовались объяснения, но вид у него был такой, будто он и впрямь ничего не понимал. Бедняга даже не осознавал собственную неполноценность. Убедившись в этом, Мэри Роуз решила четко обрисовать ему ситуацию.

– Вы только что откровенно расписались в своей беспомощности. Я уверена, что кое-кто из посетителей магазина слышал наш разговор. Здесь, в Блю-Белл, каждый считает своим долгом все про всех знать. Слухи тут распространяются быстро, Харрисон, и хотя мне больно в этом признаться, в нашем чудном городке немало законченных мерзавцев. Как только они прознают о вашей неопытности, вам несдобровать. Здесь вы не будете в безопасности.

– Вы хотите сказать, что я ни на что не гожусь? – спросил Харрисон с удивленным видом.

Мэри Роуз сочла, что для своего же блага он обязан знать правду.

– Да.

Харрисон напомнил самому себе, что он должен радоваться последним словам девушки и тому, как развиваются события. Мэри Роуз брала его под свою опеку.

Но все же его гордость была страшно уязвлена. Харрисона бесила мысль о том, что какая-нибудь женщина может считать его беспомощным слюнтяем. Он захотел немного потешить свой характер и слегка посопротивляться.

– Мэм, я в состоянии позаботиться о себе. Мэри Роуз притворилась глухой.

– Вам придется поехать со мной, – сказала она. Харрисон с трудом сдержал улыбку.

– Не самая лучшая идея. Мне обязательно надо испытать мой новый револьвер. Я заплатил за него большие деньги и уверен, что он стреляет точно.

– Оружие не стреляет метко, – с отчаянием произнесла Мэри Роуз. – Это делают люди. Если вы поедете со мной, это будет прекрасный выход. Пожалуйста, поймите. Вы представляете собой очень удобную мишень и можете кое-кого спровоцировать.

– Какое отношение имеет мой рост... Девушка не дала ему закончить:

– Здесь все ожидают от вас, что вы будете драться, чтобы защитить себя и свое имущество. Так вот, если вы не умеете пользоваться кулаками и револьвером – а вам обязательно надо этому научиться, – вы не доживете до ближайшего воскресенья.

На самом деле девушка считала, что в одиночку Харрисон не протянет и дня, но не стала говорить ему этого, дабы он не слишком встревожился.

– Мои братья с радостью научат вас всему, что должен уметь мужчина. В конце концов, вы спасли Колу жизнь.

Харрисон перевел дыхание. Он осознавал, что в данный момент его гордость вступает в противоречие с его собственными планами, но не мог прекратить спор. Он был готов признать за собой некоторую уязвимость, но расписаться в своей полнейшей несостоятельности – увольте. Мысленно чертыхнувшись, он подумал, что, вероятно, можно было бы попытаться найти более легкий путь к поставленной цели.

– Но я на самом деле в состоянии о себе позаботиться, – заговорил он. – Не понимаю, с чего вы взяли, будто я столь беспомощен. Мне доводилось пускать в ход кулаки, и я...

Мэри Роуз покачала головой, глядя на Харрисона с жалостью, и сказала:

– Фантазии и реальность – это две разные вещи, Харрисон.

Когда человек выдает желаемое за действительность, это очень опасно. Вы когда-нибудь участвовали в перестрелках или дуэлях? Харрисону пришлось ответить отрицательно.

– Ну вот, видите?

– А разве все здешние мужчины такие задиры? – с невольным недоверием спросил он. Харрисон знал, что в разговоре юрист не должен отдавать инициативу собеседнику, но стоящая перед ним прелестница явно забрала бразды правления в свои ручки.

– Нет, конечно, – признала девушка.

– Тогда почему же вы спрашиваете, бывал ли я в подобных переделках?

Мэри Роуз снова бросила на него взгляд – теперь уже полный отчаяния.

– Вы наверняка заметили, что у мужчин в магазине на поясах не было кобур, – пояснила она. – Револьвер ко многому обязывает, Харрисон. А если он постоянно у вас под рукой, вы должны быть готовы доказать, что умеете с ним обращаться. Мне приятно слышать, что вы ни разу не попадали в переделки. Оружие не должно использоваться как спортивный инвентарь или орудие мести. Можно уничтожать змей и других опасных тварей, но не людей. К сожалению, некоторые из местных жителей, а также проезжих, этого не понимают.

– Я заметил, что ваш брат тоже вооружен.

– Колу это необходимо, а вам нет. Те, кто мечтает завоевать себе репутацию сорвиголовы, вечно пристают к моему брату, считая, что стреляют быстрее, чем он. В конце концов они гибнут из-за своей самоуверенности, но не от руки Кола. За много лет он никого не убил. Он не любитель дуэлей, – с нажимом закончила Мэри Роуз.

– Я понимаю, – произнес Харрисон.

– Кол носит оружие для самозащиты.

– Ясно.

– Он стал прекрасным стрелком только для того, чтобы все мы чувствовали себя в безопасности. Если вы решите здесь поселиться, вам тоже придется научиться обороняться. И потом, если вы в самом деле хотите узнать, как содержать ранчо, Роуз-Хилл для вас просто

идеальное место. У вас будут прекрасные учителя. Адам даже мог бы платить вам за работу, а вы, в свою очередь, – получить много нужных навыков.

– Адам?

– Мой старший брат, – пояснила Мэри Роуз. – У меня их четверо. Я самая младшая в семье, потом идут Трэвис, Кол, Дуглас и Адам.

Харрисон не преминул воспользоваться откровенностью девушки и хорошенько расспросить ее.

– А ваши родители живы?

– Только мама, – ответила Мэри Роуз. – Сейчас она живет на юге, но скоро приедет к нам. Идите, соберите свои вещи. Если хотите, я пойду с вами.

– Вам следовало бы сначала побеседовать с братьями, прежде чем предлагать их услуги в качестве учителей.

– Нет. Я уж их как-нибудь уломаю. Пожалуйста, называйте меня Мэри Роуз, или просто Мэри, как все в этом городе. У вас есть лошадь или экипаж, или вы приехали в Блю-Белл в дилижансе?

– Лошадь.

– Тогда пойдете.

Девушка сошла с тротуара и направилась к конюшням. Проходя мимо братьев, она улыбнулась им. Харрисону потребовалась еще минута или две, чтобы принять решение, и потому он догнал Мэри Роуз, когда она прошла уже полпути.

– Джентльмен рядом с Колом – мой брат Дуглас, – сказала она. – Пожалуй, я представлю ему вас немного позже, когда у него улучшится настроение.

– Похоже, он чем-то раздражен, – заметил Харрисон, успевший хорошо рассмотреть второго брата Мэри Роуз. Он шагнул рядом с девушкой, заложив руки за спину, и раздумывал, как бы поделикатнее разузнать у нее о Дугласе.

– А что, Дуглас вам сводный брат? – бросил он наконец как можно небрежнее.

– Нет. А почему вы спросили?

– Он не похож ни на вас, ни на Кола. Я бы нипочем не догадался, что он ваш родственник. Он напоминает мне моего друга Николаса, который родился и вырос в Италии.

– Дуглас скорее похож на ирландца. Да, я в этом убеждена.

– Убеждены? – озадаченно переспросил Харрисон. Девушка кивнула, но объяснений не последовало. Харрисон был совершенно сбит с толку.

– Ваш отец женился вторично?

– Нет. В нашей семье похожи друг на друга только мы с Колом. Харрисон ждал, что Мэри Роуз скажет что-нибудь еще, но она перевела разговор на его персону:

– А у вас есть братья?

– Нет.

– А сестры?

– Нет.

– Какая жалость. Наверное, в детстве вам было ужасно скучно. С кем вы дрались, пока росли?

– Ни с кем, – рассмеялся он.

Неудивительно, что бедолага не умеет постоять за себя, подумала Мэри Роуз. Теперь ей все стало понятно – у него просто не было старших братьев, которые научили бы его всему, что должен уметь мужчина.

Харрисон оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на Дугласа. Мнение его не изменилось – он по-прежнему считал, что Дуглас и Мэри Роуз не родственники. Наружностью Дуглас нисколько не походил на Кола. У него были курчавые темно-каштановые, почти черные волосы и карие глаза, квадратный подбородок и широкие, четко обозначенные скулы. Черты

лица Кола были более аристократическими, а нос напоминал ястребиный клюв. Харрисон терялся в догадках, кто из двоих братьев старше. Как это ни странно, но они казались ровесниками. Не исключено, что разница между ними составляла всего год, заключил он, и к тому же Дуглас каким-то образом мог унаследовать внешность своего далекого предка. Харрисон очень хотел выяснить, не теряет ли он понапрасну время.

– Вы не похожи на ирландку, – произнес он, обращаясь к Мэри Роуз.

– Правда? – улыбнулась она, не замедляя шага.

– Мэри Роуз, куда это ты идешь? – крикнул Дуглас. Девушка обернулась.

– На конюшню, – громко сказала она в ответ и пошла еще быстрее. – Я пригласила мистера Макдональда поужинать с нами.

Братья какое-то время молча наблюдали за буквально удиравшей от них сестрой. Стоило ей только скрыться из виду, как Кол протянул Дугласу руку. Тот тихонько выругался и достал из кармана серебряный доллар.

– Никогда не спорь, если нет шансов выиграть, – наставительно заметил Кол.

Дуглас увесисто шлепнул монету ему в руку, не спуская глаз с незнакомца.

– Чего-то я не понимаю, – пробормотал он. – Он вовсе не кажется слюнтяем. Посмотри, как он возвышается над Мэри Роуз. Черт побери, в нем больше шести футов роста, и мускулы у него имеются, как видишь.

– Вижу, – произнес Кол и засмеялся.

– Он проворный и зоркий вроде тебя. Ей-богу, не понимаю, что она в нем нашла. Вполне нормальный парень.

Кол, выигравший пари, злорадствовал, Дугласа это раздражало.

– Он таскает с собой пушку, – сказал он. – Я бы вел себя поосторожнее, если бы встретился с ним в темном переулке.

– Это новая пушка.

– Ну и что?

– Он ни разу ею не пользовался.

– А тогда зачем он напялил на себя пояс с кобурой?

– Наверное, решил, что так надо, – пожал плечами Кол. – Кстати, кожа на ремне без единой трещинки – не иначе, он тоже новенький.

– Он что, придурок?

– Похоже.

– Его в два счета уколошат, – покачал головой Дуглас. Улыбка Кола стала еще шире.

– Вот потому-то сестренка и тащит его к нам домой, – объяснил он.

– И ты знал все это еще до того, как мы побились об заклад? – спросил Дуглас в надежде получить свои деньги обратно.

– При желании ты мог бы все это разузнать.

Дуглас, смирившись с поражением, снова уставился на незнакомца и провожал его взглядом, пока тот не скрылся за углом конюшни.

– Дули сказал Моррисону, что парень из Шотландии и любит читать всякие книжки, – произнес Кол.

– Так он, значит, городской?

– Вроде так, – кивнув, ответил Кол. – Он не умеет стрелять из своего нового револьвера и драться, наверное, тоже. Ты ведь не видел у него на лице никаких шрамов, верно?

– Нет.

– Я про это и толкую. Я перекинулся с ним парой слов. Похоже, он человек образованный, но рассуждает так, словно лишился рассудка. Он признался мне, что боялся стрелять в Уэбстера – дескать, как бы кого не ранить.

Дуглас рассмеялся. Кол подождал, пока он успокоится, и добавил:

- Если бы у него была голова на плечах, он не таскал бы с собой оружие. Когда у человека болтается на поясе револьвер, это как бы знак другим, что он умеет с ним управляться.
- Позор, – заметил Дуглас. – Такой здоровенный парень – и не умеет драться.
- И правда позорище, – согласился Кол.
- Как, Мэри Роуз сказала, его зовут?
- Макдональд, – промолвил Кол, ухмыляясь во весь рот. – Позорище Макдональд.

11 февраля 1861 года

Дорогая мама Роуз,

В Сент-Луисе с нами произошла небольшая неприятность. Я держал Мэри Роуз на коленях, и тут ко мне прицепился какой-то тип. Девочка теперь вся в кудряшках и очень дружелюбно относится ко всем, кто на нее посмотрит. Ну она и улыбнулась этому типу. Показала ему свои четыре передних зуба, а подбородок-то весь в слюнях. А тот умник возьми да начни громко так рассуждать – мол, с чего бы это она на меня не похожа, если я ее брат. Но тут подошел Кол, а уж он-то, само собой, похож на старшего брата Мэри Роуз – и волосы у него такого же пшеничного цвета, и глаза такие же голубые. В общем, он взял нашу сестренку на руки и сказал этому зеваке, чтобы он не лез, куда не надо.

После этого случая мы решили, что будем путешествовать, пока не найдем подходящее место, где люди не суются в чужие дела. Адам считает, что можно поехать в прерии, подальше ото всех, и теперь мы собираем вещи, потому что завтра отправляемся. Очень жаль, что у вас все еще нет возможности написать нам, но как только мы устроимся, я сообщу вам наш адрес.

Адам сейчас следит за моим правописанием и просит меня написать вам, что нам нужно нормальное жилье. Мэри Роуз везде ползает, и грязь, которую мы называем полом, налипает ей на руки и на коленки. Когда мы не смотрим за ней, она пытается ее есть. Никто из нас не знает, почему она это делает. Но вообще-то она счастлива и довольна. Мы пеленаем ее по очереди. По ночам кто-нибудь из нас кладет ее спать с собой, и должен вам сказать, что мне уже надоело просыпаться мокрым – все на ней промокает насквозь, сколько бы пеленок мы на нее ни навертели. Хотя, наверное, с такими маленькими детьми подобное не редкость, верно?

Нам очень хочется вас увидеть, чтобы знать, какая из себя наша мама.

С любовью

Ваш сын

Дуглас.

Глава 3

Дугласа здорово позабавило прозвище, данное Колом человеку, ставшему объектом очередной благотворительной акции Мэри Роуз, но настроение его вмиг испортилось, когда он как следует рассмотрел жеребца Позорища.

Ему захотелось убить Макдональда, и не важно, что он недостойный соперник. Если в плачевном состоянии коня виноват этот сукин сын, он, по мнению Дугласа, заслуживал смерти.

Кол вместе с братом подъехали к конюшне в экипаже. Владелец, рыжеволосый пузатый гигант по имени Симпсон, сказал им, что Мэри Роуз и незнакомец находятся рядом с корралем³

Кол собирался забрать своего мерина и кобылу Мэри Роуз, но Симпсон любезно предложил ему оседлать и вывести их лошадей, а потому Кол с Дугласом заехали за угол, где был привязан конь Макдональда. Повозка еще не остановилась, а Дуглас уже бросил вожжи Колу и потянулся за дробовиком, лежащим на сиденье. Однако Кол оказался проворнее брата, выхватил дробовик из его руки и бросил в заднюю часть экипажа.

– Скачала все выясни, – тихо сказал он. – А уж тогда хватайся за оружие.

Дуглас коротко кивнул, спрыгнул на землю и рванулся к корралю, где стояли, наблюдая за животным, Мэри Роуз с Макдональдом.

Взглянув на жеребца, девушка на некоторое время лишилась дара речи от ужаса, но потом быстро пришла в себя. Почему с ним обращались столь жестоко! Едва ли не каждый дюйм его кожи покрывали белые рубцы. Мэри Роуз недоумевала, как животное не погибло от таких побоев, и решила поскорее прояснить ситуацию.

– Давно у вас эта лошадь? – спросила она Харрисона напряженным от волнения голосом.

– Почти три недели.

– Слава Богу, – прошептала девушка и, увидев в эту минуту приближающегося к ним Дугласа, тут же поспешно заступила ему дорогу. – Он купил этого коня всего три недели назад, Дуглас! Всего три недели!

– Почему вы так кричите? – спросил Харрисон, озадаченный ее поведением.

– Потому что очень важно, чтобы Дуглас меня услышал. Я не хочу, чтобы он вас убил.

Если Харрисона поразили слова Мэри Роуз, он никак этого не показал. Переключив свое внимание на ее брата, он заметил, что лицо его покрыто красными пятнами, и сразу все понял.

– Дуглас стал настоящим ветеринаром, – сказала Мэри Роуз. – Фермеры со всей округи приходят посоветоваться с ним. Но больше всего мой брат любит лошадей. Он их очень жалеет, и когда увидел у вашего жеребца шрамы...

– Хорошо, что он видел только их.

– Да, – согласилась девушка. – Кто-то избивал его кнутом, верно? Вы знаете, пока я не подошла поближе, мне казалось, что он белой масти, а потом я разглядела, что на самом деле он золотистый. Кто это с ним сделал?

Дуглас уже поравнялся с ними и теперь стоял, слушая их беседу, гневно сжав кулаки. Он безуспешно пытался подавить бушевавшую в нем злость.

– Я не знаю, чьих это рук дело, – ответил Харрисон. – Я спрашивал, но никто мне ничего не сказал. Когда я смотрю на него, я как-то забываю о шрамах и просто вижу перед собой его, Мак-Хью.

³ Corral (англ.) – загон для скота

– Мак-Хью? Какое странное имя, – заметила Мэри Роуз и тут же спохватилась, поняв, что, возможно, оскорбила Харрисона. – То есть я хотела сказать – красивое, – поправились она, – Странное и в то же время красивое, – закончила она, кивком подтверждая, что говорит искренне.

Она изо всех сил щадила его самолюбие. Харрисон улыбнулся – девушка и впрямь казалась очень доброй и совершенно неиспорченной. Пожалуй, она являлась приятным исключением из всех женщин, с которыми ему доводилось сталкиваться.

– Я назвал его так в честь одного из моих упрямых предков. Мне кажется, между ними есть кое-что общее, – снова заговорил Харрисон, ухватившись за первую попавшуюся тему.

– Вот как?

– Чертовски уродливый конь, – подал голос Дуглас, стоявший у Харрисона за спиной.

– Если не обращать внимания на шрамы, вы увидите, что это чертовски хорошая лошадь, – ответил Харрисон, не оборачиваясь.

– Вы так считаете? – шепотом спросила Мэри Роуз.

– Да.

У девушки вырвался едва слышный вздох облегчения. Ей стало ясно, что Харрисон – добросердечный и честный человек. Большинство мужчин привлекает только эффектная внешность – по крайней мере у нее сложилось такое мнение. Она знала только четырех мужчин, способных читать в сердцах людей, – своих братьев. Они были добрыми и честными, даже когда хотели казаться иными. Возможно, Харрисон был таким же. Мэри Роуз от души надеялась, что не ошибается – истинные мужчины встречались очень редко, особенно в Монтане. Кроме того, они часто погибали молодыми из-за своего благородства. Девушка твердо решила сделать все возможное, чтобы научить Харрисона выживать в диких местных условиях.

Мак-Хью тем временем разыгрывал перед присутствующими настоящее представление. Он брыкался, храпел и вел себя так, будто съел целое ведро ядовитой травы. Харрисон уже привык к его штучкам – он знал, что жеребец пытается напугать смотрящих на него людей, и когда конь, имитируя нападение, помчался к изгороди, по встревоженному лицу Мэри Роуз было видно, что ему это удалось. Девушка бессознательно придвинулась к Дугласу, а Харрисон вдруг пожалел, что она ищет защиты у брата, а не у него.

– Он позволяет вам ездить на себе верхом? – спросила Мэри Роуз.

– В противном случае он не купил бы его, Мэри Роуз. Бога ради, думай, что говоришь, – Дуглас уже успокоился и принимал участие в общей беседе.

– Я в любом случае купил бы его, – возразил Харрисон.

– А вот это уж совсем глупо, – заметил Кол.

– Наверное, – ответил Харрисон, несколько не обидевшись.

– Все потому, что он похож на вашего предка? – спросила девушка.

Харрисон кивнул.

– Ну и в чем заключается это сходство? – поинтересовалась Мэри Роуз.

– Если верить легендам, мой предок был очень упрям, и этот конь такой же. Когда я его увидел, у него в глазах полыхал огонь, но не только. Там было и еще что-то. Я думаю, терпение по отношению к людям, которые его не понимали.

Харрисон и представить себе не мог, что творится в душе у девушки. В глазах ее появилось мечтательное, отсутствующее выражение, и она подумала, что не иначе как в сердце ее зарождается любовь.

– Мне показалось, что я смогу кое-чему научиться у этого коня, – сказал Харрисон, обращаясь к Дугласу. – Мне как раз не хватает терпения.

Услышав эти слова, Мэри Роуз решила, что из Харрисона получился бы прекрасный муж.

– У него сильные ноги, – заметил Дуглас и подошел поближе к изгороди. – Вообще-то он не так уж плох. Вы его осматривали?

– Да.

– Как, по-вашему, он ничем не болен?

– Нет.

– Где вы его купили?

– Рядом с Хаммондом, у Финли. Слышали про это место?

Глаза Мэри Роуз округлились от изумления.

– У Финли? Господи, да он покупает только тех лошадей, которых собирается забить.

Сколько вы заплатили?

– Двенадцать долларов.

– Вас обобрали, Макдональд, – не без удовольствия заявил Кол.

– Как посмотреть, Кол, – возразил Дуглас. – Возможно, это не такая уж плохая сделка.

– Это замечательная сделка, – запротестовал Харрисон. – Мне здорово повезло. Опоздай я хотя бы на час, Мак-Хью бы зарезали.

– Поэтому-то вы и говорите, что купили бы его в любом случае, – с улыбкой произнесла Мэри Роуз. – Правда, он прелесть? – тихо спросила она, повернувшись к Колу.

– Он просто болван, – прошептал в ответ Кол.

Харрисон услышал их обмен фразами, пожал плечами и направился к воротам. Мак-Хью, находившийся с другой стороны изгороди, последовал за ним. Поначалу казалось, что стоит Харрисону оказаться в коррале, как жеребец затопчет его или загрызет. Но, когда Макдональд вошел в загон, конь всего лишь сильно толкнул его и тут же успокоился.

Он оставался кротким и послушным до той минуты, когда к нему попытался приблизиться Дуглас. При его появлении он насторожился, но Харрисон, ухватившись за уздечку, снова сумел его успокоить. Все же, когда брат Мэри Роуз, закрыв за собой ворота, направился к животному, оно опять забеспокоилось.

– Оставайтесь на месте! – крикнул Дугласу Харрисон. – Пусть он сам к вам подойдет. Если вы не будете двигаться, он не причинит вам вреда.

Дуглас кивнул и, широко расставив ноги, принялся ждать, что сделает конь. Как только Харрисон выпустил из рук уздечку, жеребец тут же поскакал к Дугласу. Мэри Роуз не сомневалась, что Мак-Хью убьет брата. С губ ее едва не сорвался предостерегающий крик, но она подавила его усилием воли. Кол тут же потянулся к оружию, решив пристрелить животное, пока оно не растоптало брата в лепешку.

– Ты что, совсем спятил, Дуглас? – прошептал Кол.

Мак-Хью остановился всего в нескольких дюймах от человека, но не сразу отказался от тактики запугивания и окончательно уgomонился лишь после того, как дважды взбрыкнул.

У Мэри Роуз задрожали поджилки, и она прислонилась к Колу.

– Теперь погладьте его, если хотите, – обратился к Дугласу подошедший Харрисон и стал рядом с конем. – Я же сказал, что он вам ничего не сделает. Ему просто нравится устраивать спектакли. Вы как, в порядке?

Последний вопрос он задал, заметив, как побледнел Дуглас. Брат Мэри Роуз перевел дыхание, прежде чем заговорил:

– Да, но вы забыли предупредить, что он меня чертовски напугает. Протянув руку, Дуглас хотел похлопать жеребца по холке, но Мак-Хью тут же попытался его лягнуть. Дуглас захохотал и снова потянулся к коню.

– Я только вблизи рассмотрел, как он хорош. Давненько я не видел таких замечательных животных, – сказал Дуглас и добавил с восхищением в голосе: – Вы сделали правильный выбор.

Я здесь ни при чем, – произнёс Харрисон, – выбор сделал Мак-Хью.

Макдональд не стал углубляться в детали, но Дуглас, похоже, понял, что имелось в виду.

– Высота в холке у него почти семнадцать ладоней, верно? И он удивительно незлобивый для жеребца, – заметил Дуглас.

– У нас в Шотландии бывают кони и побольше, – ответил Харрисон.

– Это та страна, откуда вы приехали?

Харрисон кивнул.

– А вы, как я понимаю, ирландец? – спросил он, в свою очередь, надеясь заставить брата Мэри Роуз заговорить о себе.

На лице Дугласа появилось удивление:

– Кто это вам сказал?

– Ваша сестра.

– Ну тогда, пожалуй, что так... – промолвил Дуглас с улыбкой. – Иногда.

Харрисон хотел было переспросить, но решил, что умнее будет снова перевести разговор на жеребца, поскольку догадался, что брат Мэри Роуз заподозрил неладное.

– Не давайте Мак-Хью ввести себя в заблуждение. Конь добр только тогда, когда ему этого хочется. Он может быть смертельно опасным, особенно если чувствует себя загнанным в угол.

– То же самое относится и ко многим мужчинам, – ответил Дуглас, не слишком прислушиваясь к предупреждению Харрисона. Между Дугласом и Харрисоном возникла некая общность, в основе которой лежала любовь первого ко всем животным и явная привязанность последнего к Мак-Хью.

Кол все это время неподвижно стоял на месте. Он не допустит, чтобы брат в чем-то превзошел его. Если Дугласу удалось проделать опасный фокус с этим чудовищем, думал он, то это под силу и ему. Через некоторое время жеребец испытал и его храбрость.

Мэри Роуз тоже захотела пощекотать нервы, но братья не позволили ей входить в корраль. Не помогло и замечание Харрисона, что Мак-Хью равнодушен к женщинам – когда их сестра решительно направилась к входу в загон, оба изо всех сил отрицательно затрясли головами.

– Вечно она нас не слушается, – пробормотал Кол.

– Она самостоятельная, – заступился за сестру Дуглас, обращаясь к Харрисону.

– Заметно.

Мэри Роуз остановилась в воротах, стараясь не показать своего страха. Ей хотелось закрыть глаза, но она превозмогла себя, опасаясь насмешек братьев. Жеребец не обратил на нее никакого внимания. Она подождала несколько минут, пока он наконец приблизился.

Когда Мак-Хью рысью подбежал к девушке, она похлопала его ладонью и принялась тихонько беседовать с ним, словно с ребенком. Коню явно понравился ее запах, и жеребец с удовольствием позволил девушке приласкать его.

– Ты полюбишь Роуз-Хилл, – прошептала она. – Может быть, вы с твоим другом Харрисоном захотите остаться там очень надолго.

Впрочем, Мэри Роуз осознавала, что ее мечты несбыточны. Она познакомилась с Макдональдом всего двадцать или тридцать минут назад, и он чуть ли не сразу сказал, что лишь подумывает поселиться в здешних местах. Он вполне мог посчитать, что жизнь в Монтане слишком примитивна, упаковать свои вещи и уехать еще до наступления зимы.

Девушка украдкой взглянула на Харрисона, и у нее снова перехватило дыхание. Она не понимала, что с ней происходит, отказывалась верить, будто ее странная реакция объяснялась лишь внешней красотой мужчины. Не потому ли ей вдруг не стало хватать воздуха – Харрисон был хорошим и очень добрым человеком.

Она не могла отвести от Макдональда глаз. Неужели любовь возникает так быстро?

Братья постоянно твердили Мэри Роуз, что в конце концов она выйдет замуж, но до сего дня мысль о том, что настанет время, когда брачные узы на всю жизнь свяжут ее с каким-нибудь мужчиной, вызывала у нее тошноту. Но теперь все неожиданно изменилось.

Еще одной проверкой ее эмоций мог бы стать поцелуй Харрисона. До этого ее целовали всего пару раз, и она не испытывала ничего, кроме омерзения.

Мэри Роуз понимала, что подобные мысли – самое настоящее бесстыдство, но ей было на это наплевать.

Она в последний раз похлопала Мак-Хью и, повернувшись, вышла из корраля. Жеребец покорно последовал за ней.

Братья заметили, что их сестра не сводила глаз с Харрисона. Не укрылось это и от Макдональда, и теперь он ломал голову над тем, что бы это значило. Внезапно до них донеслось пение девушки.

– Что это с ней, черт побери? – спросил Кол, обращаясь к Дугласу.

– Наверное, мечтает о чем-то, – предположил тот.

Харрисон все еще стоял посреди корраля и смотрел на Мэри Роуз. Девушка действительно вела себя странно. Когда она глядела на него, на лице у нее появлялось неподдельное изумление, и ему ужасно хотелось знать, о чем она в эти минуты думала. Похоже, он видит перед собой натуру импульсивную, а это никогда не нравилось Харрисону. По роду его деятельности ему всегда было необходимо знать, что у других на уме. Разумеется, Макдональд не умел читать чужие мысли, но мог предсказать поведение людей в тех или иных обстоятельствах.

– Брось это, Макдональд, – сказал Кол, направляясь к стойлам. Ему надоело ждать, пока старый Симпсон оторвет свой зад от стула и оседлает его лошадь – он решил заняться этим сам.

– Что бросить? – не понял Харрисон.

– Пытаться понять ее, – объяснил Дуглас. – Тебе вовек не разгадать Мэри Роуз.

Дойдя до задней двери конюшни, Кол обернулся:

– Харрисон, может, ты все-таки заберешь своего коня? Кажется, он собрался провожать мою сестру до самого ранчо.

Макдональд чертыхнулся и метнулся вдогонку, не понимая, что с ним происходит – он даже не заметил исчезновения Мак-Хью. Его оплошность не ускользнула от внимания Кола, который всласть посмеялся над Позорищем Макдональдом, хотя и признавал, что такое поведение довольно невежливое.

Реакция Мак-Хью на Мэри Роуз несколько не удивила Кола. Жеребец точно так же, как и подавляющее большинство животных, населяющих округу, хорошо разбирался в людях.

Впрочем, так относились к Мэри Роуз не только животные, но и мужчины. И те, и другие ходили за ней по пятам.

Девушка жила в настоящем раю. Взобравшись на вершину холма, поднимавшегося над ранчо Клэйборнов, Харрисон в изумлении уставился на лежащую внизу долину. Ее устилал ковер из пышной травы, покрывавший и подножия высших гор. Макдональд невольно прищурился: казалось, будто солнце опустилось прямо на землю и превратилось в сверкающие россыпи изумрудов. По ярко-зеленому фону были щедро разбросаны бесчисленные островки диких цветов, поражающих глаз богатством и разнообразием красок. Их сладковатый аромат смешивался с чистым воздухом.

На севере и на западе высились величественные, древние словно само время горы; на востоке неслась вниз извилистая широкая река. Пейзаж был поразительно красив и очень напоминал долину в горах Шотландии, где Харрисон когда-то появился на свет. Внезапно на него нахлынули воспоминания о родной стране и о доме, который ему пришлось покинуть.

Меланхолическое настроение, впрочем, исчезло так же быстро, как и возникло, и на него снизошли мир и спокойствие. Он упивался этим ощущением, и с каждым вздохом тоска отступала. Харрисон подумал, что здесь он с удовольствием остался бы навсегда.

Эта мысль поразила его. Он тут же попытался прогнать ее из своего сознания – сердце его принадлежало Шотландии, и рано или поздно он возвратится на родину, чтобы вернуть себе то, что принадлежало ему по праву.

Наконец Харрисон переключил свое внимание на ранчо Клэйборнов. Ему казалось, что они живут в таком же бревенчатом доме, какие на каждом шагу попадались ему во время путешествия. Но жилище Клэйборнов было двухэтажным, отделанным доской клиновидной формы и выкрашенным белой краской. Дом был довольно скромным как по размерам, так и по архитектуре, но Макдональду показался весьма внушительным. С трех сторон строение опоясывала веранда, поддерживаемая белыми столбами.

На довольно большом расстоянии от жилища стояли два огромных сарая, служившие, судя по всему, конюшнями. Вокруг этих строений, которые разделяли шестьдесят – семьдесят ярдов, располагались пять корралей.

– Сколько у вас лошадей? – спросил девушку Макдональд.

– Иногда мне кажется, что их тут сотни, – ответила она. – От лошадей зависят наши доходы. Мы выращиваем их и продаем. По моим подсчетам, у нас их никогда не бывает больше шестидесяти или семидесяти, а порой остается всего голов тридцать. Время от времени Кол пригоняет диких мустангов. Конечно, у нас, кроме этого, есть скот, но его поголовье гораздо меньше того, которое, по мнению Трэвиса, мы должны держать.

– Трэвис самый младший из ваших братьев?

Мэри Роуз нашла очень приятным желание Харрисона выяснить как можно больше об их семье.

– Да.

– Сколько ему было лет, когда родились вы?

– Девять, шел десятый. А почему вы об этом спрашиваете?

– Интересно, – ответил Макдональд, пожимая плечами. – Трэвис похож на Дугласа или на вас с Колом?

– Он похож на... себя. Вы задаете много вопросов, Харрисон.

– Правда?

Девушка кивнула.

– Как вам место, где я живу?

Харрисон еще раз окинул взглядом поразивший его пейзаж. Если он просто скажет девушке, что долина красива, вряд ли он передаст ощущения, которые будит в нем окружающая природа. Макдональд не понимал, почему для него столь важно найти нужные слова, но он преисполнился решимости выразиться с максимальной точностью.

– Ваши края напоминают мне родину, а это, Мэри Роуз, самая высокая похвала, которую можно услышать из уст шотландского горца. Девушка улыбнулась от удовольствия. Макдональд ничуть не лукавил. Мэри Роуз вдруг снова захотелось глубоко вздохнуть. Господи, как же ей нравился этот добрый и любезный мужчина! Она чуть склонилась к нему с седла и шепотом спросила:

– Знаете, что я думаю?

– Нет, – шепнул Харрисон.

– Мы с вами очень похожи.

В тот же миг Харрисон испугался. По его убеждению, они с Мэри Роуз были полными противоположностями. Он уже понял, что поведение девушки полностью продиктовано эмоциями, чего ни в коем случае нельзя было сказать о нем. Сюрпризов он не выносил; в его работе это могло привести к губительным последствиям, поэтому Харрисон тщательно

планировал все свои действия. Он любил, чтобы в жизни был порядок, а Мэри Роуз, судя по всему, не смущает никакой хаос. К тому же она была очень доброй, невероятно наивной и гостеприимной по отношению к незнакомым людям. Господи Боже, эта девушка, казалось, могла довериться первому встречному!

Нет, Харрисон и Мэри Роуз ничуть не похожи. Он не верил никому и был циником – как по природе, так и в силу своей профессии.

Девушка скорее всего даже не представляла, как сильно ошибалась насчет Макдональда – она ведь ничего о нем не знала и свято поверила бы любым его рассказам. Пока Макдональд будет притворяться простодушным городским парнем, она будет считать их родственными душами.

– Вас не интересует, почему я решила, будто мы с вами похожи? – спросила она.

– Почему? – повторил Макдональд, встряхнувшись.

– Мы одинаково смотрим на вещи, – ответила девушка. – Перестаньте хмуриться, Харрисон. Я вас вовсе не оскорбила.

Черта с два не оскорбила, подумал он.

– Разумеется, нет. А можно конкретнее?

– Мы слушаемся голоса сердца.

– Я уже давно научился обуздывать свои эмоции, – сказав Макдональд. – Моя жизненная философия очень проста.

– И в чем же она состоит?

– Сначала ум, потом сердце.

– И вы никогда не позволяли себе жить... страстями? Вам обязательно надо прежде все обдумать?

– Конечно. – Харрисону понравилось, что Мэри Роуз его поняла. Было бы совсем неплохо и ей придерживаться этого принципа, подумал он.

– Какой вы правильный, Харрисон. И непогрешимый.

– Благодарю вас, – улыбнулся он.

– Вы понравитесь Адаму.

– Интересно, почему?

– Он придерживается тех же взглядов, что и вы. По-моему, иногда я просто свожу его с ума. Мне жаль, но когда я смотрю в мою долину...

Мэри Роуз внезапно запнулась, на ее щеках проступил густой румянец.

– В чем дело? – спросил Харрисон.

– Вы сочтете меня сумасшедшей.

– Нет.

Девушка перевела дыхание.

– Иногда я ощущаю свою связь с этой землей. Когда меня ничто не отвлекает, мне кажется, что я вот-вот услышу, как бьется ее сердце.

Девушка прямо-таки пожирала глазами Харрисона. Ей показало, что он сдерживает ухмылку, и Мэри Роуз решила как-то оправдаться:

– Я думала, вы тоже чувствуете это, Харрисон...

– Мэри Роуз, ты будешь наконец шевелиться? Боже правый, целый день только и делаю, что дожидаюсь, – прорычал сзади Кол и девушка тут же пришпорила лошадь.

– Мой брат не выносит всякие задержки. Вообще-то он очень добродушный, но скрывает это.

По наблюдениям Харрисона, добродушием Кол не отличался, и он недоумевал, как строптивца до сих пор не убили. Он был не просто вспыльчивым, а самым нетерпимым и задиристым человеком, с каким Макдональду приходилось когда-либо сталкиваться. И это, судя по всему, было далеко не худшим его качеством.

Самого младшего из братьев они застали около основной конюшни, но церемонии знакомства с ним Харрисону пришлось ждать довольно долго. Спешившись, он стал уговаривать Мак-Хью войти в стойло. У жеребца, однако, не было настроения слушаться хозяина. Он несколько раз взбрыкнул задними ногами, а потом принялся храпеть и гарцевать, толкая Харрисона мордой в плечо.

Макдональд попытался призвать коня к порядку, но животному, должно быть, не понравились интонации его голоса. Он снова толкнул Харрисона, и на сей раз хозяин шлепнулся на пятую точку, подняв тучу пыли.

Харрисон чуть не провалился сквозь землю от унижения. Мэри Роуз снова и снова просила братьев как-нибудь ему помочь, но никто и не подумал приблизиться к лошади. Дуглас тактично улыбался даже тогда, когда жеребец вторично повалил Харрисона на землю.

Кол, напротив, хохотал так, что из глаз его потекли слезы. Харрисон испытывал острейшее желание заехать ему по физиономии, но разум все же возобладал. В конце концов Мэри Роуз расстроилась бы, если бы гость отметелил ее брата, и поняла, что Макдональд не промах. Поразмыслив, Харрисон решил прекратить борьбу с конем. Бросив поводья, он пошел к корралю. Мак-Хью еще раз громко всхрапнул, погарцевал немного и двинулся за хозяином. Проследовав рысью в глубь загона, жеребец остановился и, пока Макдональд расседлывал его, стоял неподвижно, словно изваяние.

– Харрисон, познакомьтесь с Трэвисом, – позвала Мэри Роуз.

– Что это за имя – Харрисон? – спросил Трэвис достаточно громко, чтобы Макдональд его услышал.

– Фамильное, – пояснил Харрисон. Он повесил седло и попону на изгородь, закрыл за собой ворота и подошел к самому младшему из Клэйборнов. – А Трэвис что за имя? Ирландское?

– Возможно, – весело согласился тот.

Такой ответ не устроил Харрисона, но расспросить Трэвиса подробнее не удалось, так как Мэри Роуз уже принялась рассказывать, как она познакомилась с Харрисоном.

Пока она говорила, Харрисон разглядывал Трэвиса, и в голове у него вертелась одна и та же мысль: этот человек не мог находиться в кровном родстве с остальными Клэйборнами. Правда, Макдональд все больше убеждался, что отсутствие сходства друг с другом характерно для членов этой семьи. Черт возьми, Трэвис больше всего походил на Мак-Хью.

Последнее сравнение заставило Харрисона улыбнуться. У Трэвиса были каштановые волосы с рыжеватым отливом и зеленые глаза. Он был почти одного роста с Дугласом, но менее осанистым, тонким, словно тростинка, и явно уступал силачу Колу.

Харрисон решил, что теперь его уже ничто не удивит. Если бы Мэри Роуз сказала, что у Трэвиса есть брат-близнец, чистокровный индеец кроу, он бы спросил у этого близнеца, не ирландец ли он, с самым невозмутимым видом.

Он прислушался к общему разговору лишь тогда, когда Мэри Роуз объявила Трэвису, что Макдональд останется поужинать. Брат принял эту новость совершенно спокойно, и Харрисон уже было подумал, что Трэвис вовсе не столь задирист, как Кол, но тут младший из братьев Клэйборнов вдруг опроверг его мнение.

– У вас сильный характер, если вы ездите верхом на таком уроде.

– Трэвис, не груби, – приказала Мэри Роуз.

– Наоборот, я хотел сделать Харрисону комплимент, – пояснил Трэвис и повернулся к гостю. – Извините, если я вас обидел.

– Харрисон, вы будете завтра седлать Мак-Хью? – прокричал Кол, разгружавший экипаж.

– А что? – поинтересовался в ответ Макдональд, почуяв неладное.

Кол взвалил на плечо мешок с мукой и лишь после этого сказал:

– Я хочу посмотреть, как вы это делаете.

Харрисон скрепя сердце промолчал, ибо понял, что о любых своих словах он впоследствии пожалеет.

Кол пересек веранду и вошел в дом, и тут только Харрисон заметил высокого чернокожего мужчину, прислонившегося к столбу веранды. Этот широкоплечий человек с волосами, тронутыми сединой, в очках в золотой оправе, был одет в темно-красную рубашку из шотландки с расстегнутым воротом и коричневые брюки. Мужчина держался так свободно и уверенно, словно находился у себя дома.

Харрисон подумал, что это, вероятно, еще одна заблудшая душа, которую Мэри Роуз взяла под свое крыло и пригласила на обед. Судя по всему, мужчина явно решил задержаться у Клэйборнов подольше. – Не обращайтесь внимания на Кола, Харрисон. Ему просто нравится дразнить людей. Вообще-то он очень добрый, душевный человек, – сказала девушка и улыбнулась, словно просила Макдональда поверить в эту чушь. Лишь благодаря большому усилию воли он не рассмеялся ей в лицо.

– Ради всего святого, Мэри Роуз, Харрисон не маленький мальчик, – одернул девушку Трэвис, идущий следом за Макдональдом. – Со временем вы привыкнете к моей сестре. Вечно ее беспокоят чьи-нибудь чувства – прямо-таки ничего с собой поделаться не может. Не принимайте близко к сердцу.

Дав гостю столь мудрый совет, Трэвис обогнал его и устремился дальше.

– Вам осталось познакомиться с еще одним моим братом, и тогда вы будете знать всех. Поторопитесь, Харрисон. Адам ждет нас.

Мэри Роуз взбежала по ступенькам и почему-то остановилась рядом с незнакомцем.

– Адам, я хочу представить тебе моего друга Харрисона Макдональда из Шотландии.

Адам отодвинулся от столба и повернулся к Харрисону.

– В самом деле? – спросил он. – Ну что же, добро пожаловать в Роуз-Хилл, мистер Макдональд.

Харрисон был настолько поражен, что не мог выдать ни слова. Он недоуменно переводил взгляд с Мэри Роуз на Адама, но ни тот, ни другой не пришли ему на помощь. Они просто смотрели на него и ждали, как он отреагирует на услышанное.

Конечно, ему очень бы хотелось узнать, с какой стати чернокожий называет себя братом девушки и почему она с этим соглашается. Но по зрелом размышлении Харрисон решил, что не вправе задавать какие-либо вопросы, а Адам с Мэри Роуз не обязаны объясняться.

Харрисон лишь молил Бога, чтобы кто-нибудь когда-нибудь растолковал ему, в чем тут дело.

– Рад познакомиться, сэр. Ваша сестра любезно пригласила меня поужинать. Надеюсь, мое присутствие не доставит неудобства, – сказал Харрисон и протянул Адаму руку. Поколебавшись секунду-другую, тот ответил Макдональду рукопожатием.

– Разумеется, нет. Мы уже привыкли к тому, что Мэри Роуз приглашает трапезничать незнакомых людей. – Он сделал паузу и улыбнулся, глядя на сестру. – Шотландия далеко отсюда.

Харрисон согласно кивнул.

– Прошу к столу, – объявил Адам. – Руки вы сможете помыть в доме.

С этими словами он двинулся вперед, за ним зашагала Мэри Роуз, а Харрисон так и остался стоять на месте, стараясь привести в порядок мысли. Откуда у Мэри Роуз четыре брата, которые к тому же столь не похожи друг на друга?

Открыв дверь, девушка терпеливо ждала, пока гость войдет. Наконец Харрисон, тряхнув головой, сбросил оцепенение.

– Что касается Адама... – начала Мэри Роуз.

– Да?

Макдональд уже приготовился к очередному сюрпризу девушки.

– Я хочу предупредить ваш вопрос.

Харрисон едва не завопил от восторга – наконец-то он получит какие-то резонные, серьезные объяснения.

– Так что же вы хотели сказать?

– Он не ирландец, – с улыбкой произнесла Мэри Роуз.

1 июля 1862 года

Дорогая мама Роуз,

Мы переживаем ужасное время, приучая малышку не пачкать трусики.

Понимаете, мы, мальчишки, делаем некоторые вещи не так, как девочки. Однажды малышка увидела, как справляет нужду Трэвис, и с тех пор подражает ему. Мы много раз пытались объяснить ей, что девочкам так делать не подобает, но Мэри Роуз, наверное, не осознает, что к чему. Адам клянется, что она редкостная умница, но она еще и упрямая, как Кол. Мы порешили, что без женского участия нам не обойтись. Адам предложил отнести малышку в каморку к Белл, поскольку она единственная женщина в нашей округе. Но Кол принял эту идею в штыки. Он не хочет, чтобы маленькая Мэри Роуз общалась со шлюхой. Но у Белл очень доброе сердце. И ни для кого не секрет, что она так ненавидит свое ремесло, что рассказывает всем мужчинам, которые к ней таскаются, как у нее противно и гнусно на душе. Вышло так, что теперь ее называют Грустная Белл...

Ваш любящий сын

Дуглас Клэйборн.

Глава 4

Ужин превратился в настоящий допрос. Хозяева незаметно перевели разговор на Харрисона, и хотя тот был совершенно уверен, что в любую минуту может перехватить инициативу в беседе или по крайней мере остановить сыпавшийся на него град вопросов, он решил продолжать эту игру. На то имелись свои причины: он получил немало ценных сведений вообще и о семье Клэйборнов в частности.

У каждого из братьев был свой подход. Кол задавал вопросы в лоб и явно старался запугать гостя, Дуглас частенько вплетал кое-какую информацию о семье, Трэвис проявлял завидную методичность и вел себя весьма дипломатично. Адам же был самым скрытным – в продолжение всего ужина он сохранял настолько непроницаемое выражение лица, что Харрисону оставалось лишь гадать, о чем он думает.

Старший брат оказался прямой противоположностью своей сестры. В душе Мэри Роуз можно было читать, как в раскрытой книге. Все ее эмоции отражались на лице и в глазах. Харрисон впервые встретился с такими людьми. Ему захотелось познакомиться поближе с этой прямодушной, честной и удивительно доброй девушкой.

Впрочем, он признавал, что на самом деле она еще и хорошенькая. Ее глаза словно гипнотизировали, а нежные губы вызвали сонм грешных мыслей. Но больше всего ему хотелось постичь душу прелестной девушки.

К счастью, благодаря своей выдержке Харрисон преодолел искушение весь вечер разглядывать Мэри Роуз с раскрытым ртом. Впрочем, ее братья не особенно стеснялись: все четверо не спускали с него глаз в течение трапезы.

Иерархия в семье стала ясна Харрисону, как только Клэйборны усадились за стол. Адам расположился во главе стола, что Макдональд нашел весьма показательным и в то же время интригующим. Мэри Роуз села слева от него, Кол – справа. Рядом с сестрой устроился Дуглас, подле Кола – Трэвис. Харрисона же усадили напротив Адама, которого он про себя окрестил патриархом Роуз-Хилл.

– Вы сыты, мистер Макдональд? – осведомился Адам.

– Да, большое спасибо. Все было великолепно. Пожалуйста, называйте меня Харрисон.

– А вы зовите меня Адамом, – кивнув, сказал старший брат. – В Англии у некоторых людей есть титулы. В Шотландии тоже так?

– Да, – ответил Макдональд.

– А как насчет вас, Харрисон? – спросил Дуглас. – У вас есть титул?

Макдональд замялся. Ему вдруг показалось, что здесь, в горах Монтаны, как-то неуместно говорить, что он джентльмен, обладающий дворянским званием.

– Ну так как – есть у вас титул или нет? – задал тот же вопрос Кол.

– Вообще-то есть, – сознался Харрисон. – В нашей семье он по традиции переходит из поколения в поколение.

– И какой же? – произнес Адам.

Харрисон вздохнул – ему не оставалось ничего другого, кроме как сказать правду.

– Я граф Стэнфордский, с Хок-Айзл.

– Должно быть, нелегко мальчишке расти с таким бременем, – заметил Дуглас. – Вы так прямо и родились с ним?

– Нет, я унаследовал его после смерти отца.

– А как люди вас называют? Сэр? – спросил Кол.

– Подчиненные – да.

– А остальные? – не отставал Кол.

– Лорд.

– Ну и дела, – с ухмылкой бросил Кол. – У вас, наверное, полно денег и земли?

– Нет.

Мэри Роуз решила разрядить атмосферу, переведя разговор на что-нибудь другое.

– Между прочим, к ужину приложил руку Адам. Сегодня была его очередь помогать Сэмюэлю.

– А кто такой Сэмюэль? – поинтересовался Харрисон.

– Наш повар, – пояснила Мэри Роуз. – Вы еще с ним познакомитесь. Иногда он трапезничает вместе с нами, но сегодня он слишком занят.

– Не в этом дело, – заявил Кол и взглянул на Харрисона. – Он просто терпеть не может, когда приходят незнакомые люди. Вы с ним встретитесь не раньше, чем Сэмюэль захочет с вами повидаться. А почему вы уехали из Шотландии?

Такая перемена темы беседы не застала Харрисона врасплох. Он едва не улыбнулся при виде подобной уловки, поскольку сам неоднократно прибегал к ней в суде. Цель сего трюка состояла в том, чтобы заставить свидетеля расслабиться, потерять осторожность и отвечать. Не особенно раздумывая над своими словами.

– Мне хотелось увидеть Штаты.

Судя по всему, Кол не очень-то поверил его ответу, но Харрисон открыто смотрел на Кола, ожидая следующего вопроса.

– Насколько я понял, вы хотите научиться содержать ранчо, – вмешался в разговор Дуглас.

– Да.

– А зачем вам это? – подал голос Трэвис.

– Мне нравится образ жизни фермеров.

Трэвис явно рассчитывал на более подробное объяснение, но Харрисон не доставил ему такого удовольствия.

– С этой работой угробишься в два счета, – сказал Дуглас.

– Я понимаю, – согласился Харрисон.

– А чем конкретно вас привлекает этот образ жизни? – настаивал Трэвис.

– Эти люди проводят много времени на свежем воздухе, – промолвил Харрисон. – И потом, я люблю мастерить.

– Есть много других вещей, которые вы могли бы делать на свежем воздухе, – заметил Кол.

– Похоже, вы много лет безвылазно просидели в какой-нибудь конторе, – сказал Трэвис.

– В общем, да. Большую часть времени я провел в четырех стенах, – признался Харрисон.

– И на кого же вы работаете? – спросил Дуглас.

– На лорда Уильяма Эллиота. Правда, сейчас я в отпуске.

– У вашего хозяина тоже чудной титул, – подметил Дуглас. Харрисон кивнул, но не стал вдаваться в подробности. Беседа продолжалась в том же духе. Харрисона немало удивила и заинтриговала дотошность самого младшего, Трэвиса. Парень явно обладал аналитическим складом ума, и при благоприятных обстоятельствах из него получился бы прекрасный адвокат.

– А почему вы не остались в Штатах? – поинтересовался Трэвис.

– В Штатах? – переспросил Харрисон.

– Монтана не является штатом, – пояснил Дуглас.

– Я и забыл об этом, – сказал Харрисон. – Как вы думаете, она тоже вскоре превратится в один из штатов?

– Это вопрос времени, – ответил Дуглас.

Он хотел углубиться в обсуждение этой темы, но Трэвис прервал его:

– Так почему вы забрались в такую глушь?

Похоже, все начиналось сызнова. Харрисон с трудом подавил улыбку.

– Меня тянуло посмотреть эти края. Кажется, мы повторяемся, Трэвис.

– Пожалуйста, перестаньте к нему приставать, – взмолилась Мэри Роуз. Подперев ладонью подбородок, она улыбнулась Харрисону. – Как вам нравится наш дом? – спросила она.

Отвечая на ее вопрос, Харрисон наблюдал за Адамом. Старший из братьев не произнес ни слова. Харрисон уже было подумал, что его одолевает дремота. Но в ту самую минуту, когда его сестра поставила локоть на стол, он медленно потянулся вперед и дотронулся до ее руки, по-видимому, не желая привлечь всеобщего внимания к оплошности, совершенной Мэри Роуз. Однако он, должно быть, слегка сдавил ей руку, потому что девушка резко выпрямилась и положила руки на колени, улыбнувшись Адаму.

Харрисон сделал вид, что не заметил случившегося. Он передвинул свою чашку на другое место и уселся поудобнее.

– Дом у вас прекрасный, – сказал он.

– Да вы же его еще не рассмотрели, – запротестовал Дуглас.

– Первого этажа с него вполне достаточно, – снова заговорил Кол. – Не вздумайте соваться на второй, Харрисон.

– Там только спальни, – торопливо произнесла Мэри Роуз. Она нахмурилась, глядя на Кола, затем снова посмотрела на гостя.

Харрисон улыбнулся девушке.

– Дом меня поразил, – признался он. – Я не ожидал...

– Вы, наверное, думали, что мы живем, словно варвары? – перебил его Кол.

Харрисон уже выжал из Кола всю информацию и потому решил подначить его, чтобы тот потерял контроль над собой.

– Вы считаете, я сделал такой вывод по той причине, что временами вы по-варварски себя ведете?

Кол рванулся с места, но Мэри Роуз остановила его.

– Он вовсе не хотел тебя оскорбить, – сказала она брату. – Порой ты и впрямь ведешь себя вызывающе. Тебя вполне можно назвать задирой.

– Его так и называют, – заметил Трэвис.

– Не хочу спекулировать на человеческих чувствах, – признался Кол, покачивая головой. – Но люди убеждены, что я асоциален, Харрисон. К сожалению, я еще не заработал репутацию задиры. Ноя стараюсь. В любом случае спасибо, Мэри Роуз, – добавил он, обращаясь к сестре.

Выказав брату свое неудовольствие, та снова повернулась к Харрисону:

– В наших краях дурная слава забияки ограждает от всяческих посягательств, а Кол именно этого и добивается. Таким образом, ваша реплика о его варварском поведении сродни похвале. Понимаете?

– Вы хотите сказать, что я сделал ему комплимент? – Харрисон старался скрыть удивление, но по улыбкам братьев догадался, что ему это не удалось.

Не улыбалась только Мэри Роуз.

– Да, так оно и есть, – подтвердила она.

Его так и подмывало запротестовать, но девушке так хотелось, чтобы он помог ей успокоить брата, что Харрисон принял ее игру.

– Ну что же, ладно, – произнес он.

Он с большим трудом выдавил эти слова, но увидев, с каким облегчением вздохнула девушка, Макдональд решил, что ради этого стоило усмирить свою гордыню.

– Так что же вас поразило? – спросил Трэвис. Макдональд не мог вспомнить, о чем они говорили до этого. А всему виной была, разумеется, Мэри Роуз. Она обрадовалась, что он старается не ссориться с Колом, и улыбнулась ему. У Харрисона и в мыслях не было, что девушка флиртует с ним или жеманничает, но ее улыбка заставляла забыть обо всем. Мэри Роуз была чертовски красива и соблазнительна – помимо воли, он то и дело представлял ее в своих объятиях.

– Харрисон! – позвал его Дуглас.

– Что? – отозвался он. – О чем вы меня спросили?

– Я вас ни о чем не спрашивал. Это Трэвис задал вам вопрос.

– Если бы вы перестали пялиться на нашу сестру, вам было бы легче сосредоточиться, – заявил Кол.

– Так чем же все-таки вас поразил наш дом? – снова поинтересовался Трэвис, попросив Кола не изводить гостя.

– Снаружи он выглядит очень скромно, – пояснил Харрисон. – Но внутри...

– Такой же скромный, как и снаружи, – закончил за него Кол.

– Если не присматриваться, – возразил Харрисон. – Но я всегда обращаю внимание на детали.

– И что же? – поинтересовался Кол.

– Меня поразило как раз то, с какой любовью вы относитесь к мелочам, – признался Харрисон, с усилием отводя взгляд от Мэри Роуз. – Украшения у входа произвели на меня большое впечатление, да и лестница сработана весьма оригинально.

– Украшения? – переспросил Трэвис.

– Да, лепнина под потолком, – уточнил Харрисон.

– Я понял, – парировал Трэвис. – Меня удивило, что вы это заметили.

– Откровенно говоря, я не ожидал, что в доме так много комнат. У вас большая гостиная, столовая и еще библиотека, заполненная по самые стропила книгами, которые вы, естественно, купили не здесь.

– Дом проектировал Кол, – похвасталась Мэри Роуз. – А строили все мои братья не один год.

– Но к перилам и отделке стен он нас не подпускал – это его рук дело, – промолвил Трэвис.

– Вы сказали Колу еще один комплимент, Харрисон, – подытожила Мэри Роуз.

В планы Харрисона вовсе не входило признавать за Колом какие-либо заслуги, тем не менее мастерство его действительно было высочайшим.

– А что еще вас удивило? – спросил Дуглас.

Харрисон снова едва не улыбнулся. Похоже, братья ждали от него похвал.

– Я сразу заметил, что в гостиной стоит рояль.

– Еще бы вам его не заметить, – хмыкнул Кол. – Там, кроме него, ничего нет.

– «Стейнвей», – заявил Дуглас. – Мы приобрели его, когда Мэри Роуз достаточно подросла, чтобы научиться на нем играть.

– А кто ее учил? – спросил Харрисон.

– Вместе с роялем здесь появился и учитель, – пояснил Дуглас и с ухмылкой глянул на Трэвиса. – Или что-то в этом роде.

Харрисон не понял, как следует расценивать эту странную фразу, и решил приберечь свое любопытство для более важных тем.

– Сколько вам было лет, когда вы начали брать уроки? – обратился он к Мэри Роуз.

Девушка взглянула на Адама.

– Шесть, – сказал он.

– А мне семь, – заметил Харрисон.

– Вы играете на фортепьяно? – воскликнула Мэри Роуз, которая, казалось, была приятно поражена.

– Да.

– Конечно, – фыркнул Кол. – Он не умеет ни драться, ни стрелять, но на фортепьяно, ясное дело, играет. Ну, если вы хотите здесь выжить, музицирование вам не поможет.

– Он мог бы работать тапером в салуне Билли, – заметил Дуглас.

– Чтобы получить пулю в спину, как последний из них? – возразил Трэвис.

– А почему его застрелили? – спросил Харрисон, забыв о своем решении не задавать лишних вопросов.

– Кому-то не понравилась его игра, – промолвил Кол.

– Ясно, – кивнул Харрисон.

– А зачем вы выучились игре на фортепьяно? – поинтересовался Кол. – Странно как-то.

– Это было всего лишь частью моего образования, – разъяснил Харрисон, несколько не обиженный вопросом Кола, который, похоже, считал подобное занятие недостойным мужчины.

– Вы получили неправильное образование, – заявил Кол. – Музицируют девочки, а не мальчики. Разве ваш отец никогда не водил вас на задний двор, чтобы научить работать кулаками?

– Нет. А ваш?

Кол уже раскрыл было рот для ответа, но внезапно передумал и, откинувшись на спинку стула, пожал плечами.

– Вы когда-нибудь слышали о Шопене и Моцарте, Кол? – спросил Харрисон. – Они были композиторами. Писали музыку и потом исполняли ее... на фортепьяно.

Кол снова передернул плечами, и Макдональд решил сменить тему.

– Где вы достали этот китайский фарфор?

– У нас шесть чашек, и только четыре одинаковых. Тарелок у нас нет, а чашки я раздобыл в Сент-Луисе, чтобы Мэри Роуз могла устраивать чаепития.

– Тогда я была еще маленькая, – пояснила девушка. – Устраивание чаепитий было частью моего образования.

– И кто же вас обучал? – спросил Харрисон с улыбкой.

– Дуглас, – ответила она.

– Мы все делали это по очереди, – торопливо добавил Дуглас.

– Наверное, вас удивляет, отчего нас так интересует ваше мнение, – сказала девушка. – Обычно мы не расспрашиваем своих гостей, но вы человек образованный, светский и утонченный.

При этих словах Харрисон приподнял бровь.

– Но вы действительно утонченный человек, – с нажимом произнесла Мэри Роуз. – Это ясно по тому, как вы говорите и смотрите на жизнь. Сразу видно, что вы воспитывались в хорошей семье.

– Вы способны оценить хорошую работу, – сказал Дуглас, явно довольный тем, что присутствующие перестали говорить о чаепитиях. – Здешние жители вовсе не думают окружать себя красивыми вещами. И я их не виню. У них все силы уходят на добывание хлеба насущного.

– В Хаммонде народ потихоньку обтесывается, – заметил Трэвис. – Но здесь, в Блю-Белл, до этого еще далеко.

– Это потому, что здесь царит беззаконие, – заметил Кол. Присутствующие закивали.

– Интересно, мы кажемся вам такими, как наши соседи? – сказал Трэвис. – Дуглас прав. Никто из местных никогда даже не заглядывал в нашу библиотеку и, само собой, не просил дать им что-нибудь почитать.

– А вы прочли все книги, которые есть в вашей библиотеке? – спросил Харрисон.

– Разумеется, – промолвил Кол.

– Трэвис забыл упомянуть, что наши соседи в основном неграмотные, – добавила Мэри Роуз.

Харрисон кивнул и снова обратился к Трэвису:

– Итак, считаю ли я вас достойными своего внимания? Все зависит от вашего отношения к книгам, красивым вещам и прочему. Если вы заполнили весь дом дорогими вещами только ради того, чтобы произвести впечатление на других, то в этом случае вы, по моему мнению, таковыми не являетесь. Но вы ведь вовсе не к этому стремились, верно?

– А откуда вы знаете? – спросил Кол.

– Нетрудно догадаться, – ответил Харрисон. – Ясно, что рояль стоит в гостиной вовсе не для того, чтобы служить предметом зависти и восхищения. Вы приобрели его, чтобы обучить музыке вашу сестру, а это означает, что вы понимаете необходимость всестороннего развития. То, что вы прочитали все книги в вашей библиотеке – еще один красноречивый факт. Что же касается утонченности и культурного уровня, то я считаю, что вы, пожалуй, гораздо утонченнее, чем хотите казаться. Несомненно, все вы получили хорошее образование.

– В отличие от вас никто из нас не посещал университет, – заметил Дуглас. – Учеба в университете – не единственный путь к приобретению знаний. Есть и другие. Ученая степень далеко не всегда является гарантией образованности. Я сужу по некоторым своим коллегам.

– Вы пытаетесь нам льстить? – спросил Трэвис.

– Пожалуй.

Мэри Роуз вздохнула довольно громко, чтобы услышали все сидящие за столом. Харрисон улыбнулся, и она тут же ответила ему улыбкой.

– Рояль самое дорогое, что у меня есть, – сказала девушка. – А у вас было что-нибудь такое, с чем вам не хотелось бы расставаться?

– Книги, – ответил Харрисон.

– Я тоже равнодушен к своим книгам, – сказал Адам, кивнув. – Похоже, мы с вами родственные души.

Харрисон обрадовался тому, что старший брат снова присоединился к общей беседе. Адам по-прежнему производил впечатление очень сдержанного человека. Макдональду хотелось разузнать о нем побольше, но он понимал, что делать это надо весьма осторожно.

– Я обратил внимание на то, что висит у вас в библиотеке, – заметил он.

– Что именно? – не понял Трэвис.

Харрисон уже собрался ответить, но его опередил Дуглас:

– Вы имеете в виду стихотворение?

– Да. Это одно из моих любимых стихотворений, – сказал Харрисон.

– Вы действительно его читали? – с вызовом произнес Кол. – Не знаю, в какой книге Адам его раскопал, но он несколько часов его переписывал и вставил в рамку. А внизу специально приписал, откуда он его взял, чтобы другие не думали, будто он автор.

– Конечно, я читал его, причем много раз. Пожалуй, теперь я помню его наизусть.

– Ну-ка давайте проверим, так ли это. Прочтите его вслух от начала до конца.

Харрисон решил не перечить, хотя затея Кола и показалась ему несколько ребяческой.

– Ни один человек не остров... – произнес он.

Макдональд запомнил лишь одну строчку, которую ему подсказал Адам. По улыбке последнего можно было понять, что Харрисон произвел на него впечатление, и Макдональд подумал, что с Адамом у него больше общего, чем с кем-либо из остальных братьев Клэйборн.

Мэри Роуз улыбалась, словно учитель, гордый успехом своего ученика, Харрисон же чувствовал себя как последний идиот.

– Прекрасно, – сказала девушка. – А знаете, ведь Адам тоже играет на фортепьяно.

– Зачем ты ему об этом говоришь? – спросил Кол с таким видом, будто собирался задуть сестру собственными руками.

– Кол, мистер Харрисон – наш гость. Пожалуйста, не забывай об этом.

– Не смей указывать мне, Сидней. Девушка ахнула и прошептала:

– Ты просто невыносим.

Харрисон не понимал, что произошло. Ему было ясно лишь то, что Мэри Роуз взбешена поведением брата, и если бы взгляды могли убивать. Колу тут же пришел бы конец. Макдональд никак не мог сообразить, что именно вызвало ее гнев.

Снедаемый любопытством, он обратился за разъяснениями к Колу:

– Вы назвали свою сестру Сиднеем?

– Да, – буркнул Кол.

– Почему?

– Она нагло себя ведет.

– Вы так считаете?

– Послушайте, Харрисон, в наших краях задавать вопросы – опасное занятие. Вам следует помнить об этом.

Харрисон расхохотался.

– Над чем это вы смеетесь? – спросил обескураженно Кол.

– Над вами, – ответил Харрисон. – Вы уже целый час только и делаете, что задаете мне вопросы.

– В нашем доме, – заявил Кол с улыбкой, – играют по нашим правилам.

– Ты перестанешь наконец быть таким несносным? – вскочив, спросила Мэри Роуз.

Она приготовилась устроить Колу выволочку, но тут вмешался Адам. Наклонившись вперед, он посмотрел на нее, и Мэри Роуз немедленно уселась на свое место и замолчала. Затем Адам взглянул на Кола, и самый задиристый из братьев тоже без разговоров опустился на стул.

– Если вы не очень устали, Харрисон, расскажите что-нибудь о Шотландии, – сказал старший Клэйборн. – Мне не довелось побывать за границей, но я довольно много путешествовал с помощью своих книг.

– Ты хотел бы когда-нибудь съездить в Шотландию? – спросила Мэри Роуз.

– Разумеется, но прежде всего хотел бы навестить родину.

– А где ваша родина? – спросил Харрисон.

– В Африке. Вы наверняка обратили внимание на цвет моей кожи, – ответил Адам и подкупаяще улыбнулся. Он говорил с Харрисоном совершенно откровенно.

– Вы родились в Африке? – не отставал Макдональд.

– Нет. Я родился на юге этой страны, в семье рабов, но как только я подрос, родители рассказали мне чудесные истории о своих предках и о тех африканских деревнях, в которых они сами появились на свет. Мне бы хотелось посетить их прежде, чем я умру.

– Если они еще сохранились, – вставил Кол.

– Да, – согласился Адам.

– Ты не поедешь в Африку, – сказал Дуглас. – Ты никогда никуда не едешь.

– Я думаю, вам понравилась бы Шотландия, – предположил Харрисон, возвращаясь к теме, которую затронул Адам. – Эта долина очень напоминает некоторые уголки Шотландии.

– Расскажите о своем доме, – попросил Трэвис.

Выполняя его просьбу, Харрисон в течение следующих пяти или десяти минут говорил о земле, где он родился, о доме, в котором жил в детстве, и в конце концов завершил свою тираду словами:

– Кровать отца всегда стояла у самых окон, чтобы он мог наслаждаться открывающимся видом. Извините за несколько бессвязный рассказ, – произнес Макдональд после небольшой паузы. – О своем доме шотландский горец может говорить часами и утомит вас до смерти.

– Вы нас вовсе не утомили, – сказал Кол.

– Ваш рассказ был очень интересен, – заверил Адам.

– Почему кровать вашего отца стояла перед окном? Он что, был прикован к постели? – уточнил Кол.

– Да.

– Как долго?

– На моей памяти это было всегда. А почему вы об этом спрашиваете?

Кол не знал, куда деваться от стыда. Не он ли спросил Харрисона, почему его отец не научил его пользоваться кулаками?

– Мне просто любопытно, – пояснил он. – А что случилось с вашим отцом?

– Ему в позвоночник попала пуля.

Лицо Кола исказила гримаса.

– И его парализовало?

– Да.

– Несчастный случай?

– Нет, – сухо ответил Харрисон.

– Но вы оставались с ним, даже когда стали достаточно взрослым, чтобы вести самостоятельную жизнь? – спросил Кол.

– Да. Господи, я ведь был его сын.

– Если бы вы были прикованы к постели, он мог бы бросить вас. Большинство отцов именно так бы и поступили.

– Вы неправы, – возразил Харрисон. – Настоящие отцы поступили бы как раз наоборот, а уж мой-то наверняка.

– Вы просто исполняли свой долг, – с удовлетворением заявил Кол.

– Дело вовсе не в долге.

– Вы что, рассердились? – спросил Кол, не скрывая улыбку. Харрисону внезапно захотелось съездить ему по физиономии. В голосе его зазвучали резкие нотки.

– Своим странным мнением вы оскорбляете и меня, и моего отца.

Кол пожал плечами – гнев гостя не произвел на него особого впечатления – и посмотрел на Адама.

– Надо сделать из Харрисона мужчину. Ты возьмешься за него?

– Возможно, – ответил Адам.

– Ему бы характера побольше, – вставил Дуглас.

Кол фыркнул:

– Он же остался со своим отцом, разве не так? Значит, характер у него есть. Что скажешь, Трэвис?

– Я не против. Правда, он, похоже, чересчур интересуется нашей сестрой.

– Мэри Роуз все интересуются. Я бы удивился, если бы Харрисон оказался исключением. Думаю, надо попытаться.

Братья кивнули. Мэри Роуз была на седьмом небе от счастья. Всплеснув руками, она снова улыбнулась Харрисону и поднялась.

Харрисон немедленно последовал ее примеру. Что касается братьев, то ни один из них даже не шелохнулся.

– Вы остаетесь с нами, – сказала Харрисону девушка. – На сей раз у нас полное единодушие, что вообще-то непривычно – Кол обычно перечит, но вы ему понравились. Разве это не чудесно?

– Что-то я этого не заметил, – не удержавшись, брякнул Макдональд.

Все, включая Мэри Роуз, рассмеялись.

– У вас прекрасное чувство юмора, Харрисон, – отметила она. Макдональд вовсе не шутил, но решил не заострять на этом внимание. Обойдя стол, Мэри Роуз приблизилась к нему.

– Я покажу вам комнату, в которой вы будете спать. С твоего позволения, Адам.

– Да, разумеется. Спокойной ночи, Харрисон.

Девушка повернулась и вышла из столовой. Харрисон поблагодарил братьев за ужин и последовал за ней.

Пока Макдональд и Мэри Роуз шли к отдельно стоящему строению, предназначенному, по-видимому, для гостей, никто из них не произнес ни слова. Звезды, густо усыпавшие небо, ярко освещали все вокруг.

– Вам понравились мои братья?

– Да. Станный они народ.

– Они просто разные.

Заложив руки за спину, Харрисон замедлил шаг, чтобы не обгонять девушку.

– Могу я вас кое о чем спросить?

– Пожалуйста.

– Почему вы меня не предупредили?

– Об Адаме?

– А зачем мне было вас предупреждать? Вы либо приняли бы его, либо нет – это уж ваше дело.

– Вы все не родственники по крови, верно?

– Да. И все же мы семья, Харрисон. Родственные узы не всегда зависят от общего происхождения.

– Конечно. Вы ведь стали семьей очень давно, не так ли?

– Да. А как вы догадались?

– Вы относитесь друг к другу, как родные, хотя спорите и ссоритесь из-за мелочей. По тому, как вы вели себя за ужином, я понял, что вы вместе уже не один десяток лет.

– Да. Правда, у нас здесь красиво?

Харрисон вовсе не был расположен обсуждать красоты окружающей природы, однако девушка явно хотела перевести разговор в другое русло, и он не стал противиться ее желанию. Для одного вечера было задано уже достаточно вопросов. Завтра он постарается разузнать побольше.

– Места здесь и впрямь великолепные, – сказал Макдональд. – Воздух такой чистый, что кажется, будто от него проясняются мысли.

– Вы, должно быть, слишком долго прожили в городе.

– В Лондоне далеко не всегда можно увидеть звезды, – сказал он. – Смог и испарения закрывают небо.

– Это очень похоже на Нью-Йорк.

Харрисон остановился. Ему показалось, что на какое-то мгновение сердце его перестало биться.

– Что вы сказали?

Девушка повторила последнюю фразу.

– Кажется, я вас чем-то огорошила, – заметила она.

Макдональд с трудом выдавил из себя улыбку.

– Я действительно удивился, – произнес он небрежно. – Я и не знал, что вы бывали в Нью-Йорке.

– Я тогда была совсем ребенком и, конечно, не помню, как выглядит город, но братья рассказывали мне, что там очень много заводов, а по улицам ходят толпы народа.

Харрисон глубоко вздохнул. Похоже, он был близок к разгадке тайны, над которой бился столько времени. Правда, ему еще предстояло выяснить, кто украл девочку у родителей и помог мальчикам проделать столь длинный путь от Нью-Йорка до Монтаны.

– Так густо населены только некоторые районы Нью-Йорка, – сказал он. – Вообще-то это очень интересный город.

– Там надо быть осторожным, верно?

– Осторожность нигде не помешает.

– Господи, до чего же вы похожи на Адама! Он все время твердит мне, что я должна быть осмотрительной, – признала Мэри Роуз. – Трэвис удивлялся, как меня не обворовали в Сент-Луисе, когда я училась в школе. Но здесь, на ранчо, я чувствую себя в безопасности. Я никогда больше отсюда не уеду, потому что сразу же начинаю страшно скучать по дому.

– Вы могли бы полюбить Англию или Шотландию, – сказал Харрисон, которому слова девушки пришлось не по вкусу.

– Да, конечно. На свете много прекрасных мест, которые мне предстоит увидеть. И все же я буду тосковать по моей долине. Я все время нахожу здесь что-нибудь новое и интересное. Совсем недавно я, например, узнала, что в горах Боар-Ридж живет одна женщина. Вскоре после того, как ее семья поселилась в этих краях, на них напали индейцы, убили ее мужа и сына, а ее оскальпировали, приняв за мертвую. Но она выжила. Трэвис слышал, как Билли и Дули шептались о ней. Все считают ее сумасшедшей. Бедняжка много лет провела в одиночестве. Я хочу поехать и посмотреть на нее, как только уговорю Адама.

– Это очень опасно, Мэри Роуз. Вам не следует...

– Ну вот, вы опять заговорили, как мой старший брат, – перебила девушка. – Я должна ей помочь. Я уверена, что вы меня понимаете.

Теперь настала очередь Харрисона перевести разговор на другое.

– Я бы с удовольствием остался жить в вашей долине. Думаю, что и вам пришлось бы со временем по сердцу Англия или Шотландия.

– Почему? Потому что эти страны напоминали бы мне родные края? Разве можно любить мужчину только потому, что он похож на другого? Мне понравилась бы Шотландия, Харрисон, но вряд ли я была бы там счастлива. Лучше родного дома нет ничего на свете.

– Вы слишком молоды, чтобы так противиться переменам, – вздохнув, заметил Макдональд.

– Можно задать вам один личный вопрос? Не отвечайте, если не захотите.

– Ну конечно.

– Вы умеете целоваться?

Харрисон смешался.

– Что вы сказали?

Девушка повторила еще раз. Макдональд не рассмеялся, потому что вид у нее был серьезный и искренний.

– С чего это вы вдруг заговорили о поцелуях?

– Мне просто любопытно. Ну так как же?

– Да, пожалуй.

– А как это у вас бывает – вы сначала собираетесь поцеловать кого-нибудь, а потом целуете или все это происходит само собой?

– Вас интересуют очень странные вещи.

– Да.

В это время они дошли до гостевого домика. Харрисон положил руку на дверной косяк и обернулся к девушке:

– Помните, что я сказал вам сегодня, когда мы смотрели на вашу долину? Я сначала думаю головой, а потом уже сердцем. Вот и ответ.

На лице девушки проступило разочарование.

– Вы очень дисциплинированный человек, не так ли?

– Надеюсь.

Мэри Роуз покачала головой. Харрисон недоумевал, чем она так раздосадована. По его мнению, дисциплинированность была достоинством, а не недостатком. Неужели она не понимала столь простую вещь?

– Я вовсе не такая правильная, – сказала девушка.

Макдональд кивнул – это он уже уяснил. Открыв дверь, он слегка попятился, чтобы пропустить девушку вперед, если она пожелает войти. Но Мэри Роуз осталась стоять на месте.

– Тут двенадцать кроватей, но сегодня здесь никто не будет ночевать, кроме вас. Если вам что-нибудь понадобится, пожалуйста, дайте знать любому из нас.

– А где Дуглас решил поместить Мак-Хью?

– Отведите его в крайнее стойло слева. Оно попросторнее. Я думаю, корм для него уже приготовлен. Надеюсь, он спокойно отнесется к закрытому помещению теперь, когда он к нам немного привык.

– Наверное.

– А вы, Харрисон? Вы уже привыкаете к нам?

– Да, – с улыбкой признался Макдональд.

Девушка улыбнулась ему в ответ. Господи, до чего же она была хороша!

– Могу я попросить вас об одолжении?

Мэри Роуз стояла всего в футах от Харрисона. Глаза девушки в лунном свете казались сверкающими сапфирами. Макдональд не осмеливался смотреть на ее губы, боясь, что неминуемо потеряет голову заключит Мэри в страстные объятия. Сильнейшее желание поддаться этому порыву возбуждало его и одновременно сковывало. Живое тепло девушки туманило его мозг, подсказывало прислушаться к зову сердца, хотя Мэри Роуз его к этому никак не поощряла.

– О чем вы хотели меня попросить? – спросил он, сдерживаясь из последних сил.

Харрисону показалось, что его голос дрожит, но девушка, судя по всему, ничего не заметила. Более того, она явно не понимала его состояния – в противном случае она не поднялась бы на цыпочки, еще больше приблизив свое лицо к его лицу. От нее восхитительно пахло – это был аромат диких цветов после дождя. Мэри Роуз положила ладони Харрисону на грудь. Сердце его бешено заколотилось.

– Вы не хотите меня поцеловать? – спросила она.

– Нет, черт возьми, – ответил он, хотя в этот миг не мог думать ни о чем другом. Его отказ глубоко обидел девушку. Боже, зачем она была так откровенна! Она безвольно уронила руки. Сейчас ее заботило лишь одно – как с достоинством выйти из этой ситуации.

Мэри Роуз потребовалась вся ее воля, чтобы не подхватить юбки и не умчаться в дом, но она превозмогла себя и снова посмотрела на Харрисона:

– Отчего вы так испугались! Неужели я сказала что-то ужасное!

– Мужчинам не пристало трусить.

Теперь голос Макдональда звучал сердито, но девушка не стала спрашивать о причине его гнева.

– Спокойной ночи, Харрисон. Спите крепко.

Девушка вовсе не насмеялась над ним – похоже, глупышка даже не догадывалась, что теперь ни о каком сне не могло быть и речи. Макдональд прислонился к косяку и смотрел, как Мэри Роуз удаляется к дому. Она держалась так, словно ничего не произошло. Сначала она едва не свела его с ума, а в эту минуту уходила с таким безмятежным видом, что он не удивился бы, если бы девушка вдруг принялась напевать.

Харрисон невольно подумал, как бы Мэри Роуз отреагировала, узнай она, о каких ласках он мечтал, глядя на ее нежные, манящие губы.

В конце концов он все же подавил свое желание оказаться с ней в постели. Он снова и снова твердил себе, что в состоянии контролировать свои низменные инстинкты. Макдональд уже почти убедил себя в этом, как вдруг заметил, что Мэри Роуз слегка покачивает бедрами при ходьбе, и в его воображении тут же замелькали всевозможные возбуждающие картины.

«Спите крепко» – кажется, так сказала девушка? Харрисон понял, что в эту ночь ему вряд ли удастся последовать ее совету.

4 августа 1862 года

Дорогая мама Роуз,

На прошлой неделе мы все страшно перепугались. Мэри Роуз по-настоящему заболела. К сожалению, мы не сразу догадались, что причиной ее необычно плохого настроения может быть хворь. Она всегда была очень веселой, но в прошлый вторник неожиданно принялась кукситься, а к полудню совсем раскапризничалась. Дуглас постирал ее любимое одеяльце – то самое, в которое она любит утыкаться носом, когда сосет большой палец. Когда она увидела одеяльце, развешенное на кустах для просушки, она вдруг страшно разозлилась. Ее пронзительные крики до сих пор стоят у нас в ушах. Даже Адам не смог ее успокоить. Когда пришло время ужинать, она не съела ни крошки. И тут мы наконец заподозрили что-то неладное. Ночью она уже горела от жара.

Мы по очереди протирали ее тельце влажной губкой, а те, кто не держал ее за ручку и не укачивал, ходили кругами, натываясь друг на друга.

Температура не спадала трое суток. Бедняжка выглядела такой маленькой и беспомощной! Ей требовался доктор, но докторов не было даже в Хаммонде.

Мне никогда в жизни не было так страшно. Кол тоже перепугался, но прятал свой страх за злостью. Он без конца твердил, что нам не следовало привозить ребенка в такую глушь. Он просто сходил с ума, чувствуя себя виноватым, и мы тоже. Все знали, что он прав, но у нас не было выбора.

Мы все очень любим малышку, но нас смущает, что она такая слабенькая и хрупкая. Ее жизнь полностью зависит от нас. Мясо ей следует нарезать небольшими кусочками, чтобы она не подавилась, все время нужно следить, чтобы она не наступила на змею. Иногда я так боюсь за нее, что не сплю ночами.

Все три дня и три ночи я молился, предлагая Богу взять мою жизнь вместо ее. Но видимо. Всевышнему было угодно, чтобы мы еще какое-то время оставались вместе, потому что в субботу утром Мэри Роуз стала выздоравливать.

Дуглас, Адам и я обрадовались буквально до слез. Мне не стыдно признаваться в этом, потому что нас никто не видел. Кол тоже плакал, но он

убежал куда-то и не возвращался почти целый час. А когда появился, глаза у него были такие же красные и опухшие, как и у всех нас.

Молитесь за нас, мама Роуз. А мы, конечно же, молимся за вас. Теперь, когда бои идут так близко от ваших мест, мы тревожимся за вас как никогда. Газеты доходят до нас с большим опозданием, но Адам старается держать нас в курсе основных событий, происходящих на фронте. Судя по всему. Юг вполне может победить в этой войне, которую пока еще никто открыто не назвал войной. Берегите себя, пожалуйста. Вы нам очень нужны.

Ваш сын Трэвис.

P.S. Я чуть не забыл сообщить вам радостную новость. Всего две недели назад сюда приехали Моррисоны. Они собираются построить универмаг неподалеку от лачуги Белл. Все, конечно, этому очень рады. К тому же в магазин будет доставляться почта, хотя и всею раз в неделю.

У Моррисонов есть дочка по имени Кэтрин. Она примерно на полтора года старше, чем Мэри Роуз. Нашей сестренке нужна подружка, с которой она могла бы играть, как считает Адам, а поскольку Моррисоны, судя по всему, люди приличные. Кол не против, чтобы маленькие девочки дружили.

Глава 5

Харрисон поднялся, едва забрезжил рассвет. Спал он отвратительно. К тому же ночью его разбудил Кол, тихо пробравшийся в его комнату и перерывший все его вещи. Поначалу Макдональд хотел спросить его, что именно он ищет, но по зрелом размышлении решил продолжать притворяться спящим.

Он был уверен, что Кол не найдет ничего, представляющего для него какой-либо интерес, – Макдональд не имел при себе никаких важных документов или записей. Вся информация, которую ему удалось собрать, включая доклад адвоката из Сент-Луиса, уже была отправлена почтой в Лондон. Все же вторжение Кола его разозлило, и он собрался что-нибудь предпринять утром по этому поводу.

Увы, к утру настроение у него не улучшилось. Умывшись и одевшись, он пошел к конюшне проведать Мак-Хью. В течение двадцати минут там он никак не мог заставить упрямое животное покинуть стойло. Харрисон решил отвести жеребца в корраль, Мак-Хью же хотел остаться там, где он находился. Конь выбил уздечку из рук Макдональда, а когда тот поднял ее и снова приблизился к нему, едва не сшиб хозяина с ног. При этом неблагоприятное четвероногое подняло такой шум, что перебудило всех в доме. Харрисон потерял терпение. Несколько минут он ругал жеребца на чем свет стоит на нескольких языках, и хотя это не возымело никакого действия, самому Харрисону стало немного легче.

В конце концов Макдональд сдался. Оставив загородку открытой, он повернулся, чтобы уйти, и тут же остановился как вкопанный. У входа в конюшню стояли Кол с Дугласом. Судя по злорадным ухмылкам на их лицах, они уже давно наблюдали за бунтом Мак-Хью.

– В доме есть еда, – сообщил Дуглас. – Когда позавтракаете, помогите Колу с работой.

– С какой работой? – спросил Харрисон.

– Я хотел, чтобы вы помогли мне объездить парочку мустангов, но теперь передумал.

Почему бы вам не остаться в доме и не поиграть на рояле?

Харрисон разозлился и решил слегка подколоть самоуверенного брата Мэри Роуз.

– А когда мне можно будет поиграть – до или после Адама? Кол ринулся к Макдональду и остановился в нескольких дюймах от него.

– Послушайте, Макдональд, Адам научился играть на фортепьяно только ради Мэри Роуз. Вы поняли?

Дуглас также счел нужным объяснить мотивы, двигавшие старшим братом.

– Нам вовсе не хочется, чтобы у вас сложилось впечатление, будто Адам – не мужчина, – заявил он. – Он постоит за себя в любой драке. Верно, Кол?

– Вернее не бывает, черт побери. Что вы на это скажете, Макдональд?

Отвечая, Харрисон даже не пытался казаться вежливым:

– Вы оба ненормальные.

После слов Харрисона лицо Дугласа налилось кровью. Кол, похоже, никак не отреагировал на заявление Макдональда. Харрисон же, махнув рукой на обоих братьев, примитивные взгляды которых вызывали у него отвращение, хотел пройти мимо. Кол загородил ему дорогу, но Дуглас оттащил его в сторону.

– погоди, – сказал он брату. – Я хочу его кое о чем спросить. Почему вы называли нас ненормальными?

– Вы, наверное, считаете, что на рояле должны играть только женщины, верно?

Братья молчали. Харрисон покачал головой.

– Какая нелепость! Адам – по-настоящему развитый человек. И его таланты заслуживают всяческих похвал.

Макдональд повернулся к Колу:

– Что же касается вас...

Дуглас перебил его раньше, чем он успел закончить фразу:

– Я не потерплю никаких скандалов у меня на конюшнях. Лошади от этого становятся нервными. Кол, я не понимаю, почему бы Харрисону не помочь тебе с мустангами.

– Я уверен, что справлюсь, – заявил Харрисон. – Не думаю, что это занятие требует большого ума.

– Почему вы так решили? – спросил Дуглас.

– Но ведь Кол же с этим справляется? – с улыбкой ответил Харрисон.

Прошла секунда или две, прежде чем до братьев дошел смысл сказанного. Харрисон терпеливо ждал, когда Кол потянется за револьвером или полезет в драку, и был готов отразить нападение.

Внезапно глаза Кола округлились. Он сделал шаг назад, потряс головой и вдруг разразился хохотом, сильно разочаровав Харрисона, кулаки у которого так и чесались.

– А вы парень что надо, Харрисон, ей-богу, – произнес, отсмеявшись, Кол.

– Если вы еще раз полезете рыться в моих вещах, я вас пристрелю, – пообещал Макдональд.

– Вы что же, ночью все слышали?

– Еще как.

– Ты становишься неуклюжим, Кол, – заметил Дуглас.

– Похоже. Мне казалось, что я все делал совершенно бесшумно.

– А что вы, собственно говоря, искали? – спросил Харрисон.

– Да ничего особенного. Простое любопытство.

– Поймите нас правильно, – поспешил объяснить Дуглас. – Мы не поверили, что такой здоровяк, как вы, не может постоять за себя. Само собой, после того, как вы сказали, что играете на рояле, я уже все понял.

– Что же именно вы поняли?

– Ну... насчет вашего отца, прикованного к постели, и все такое... Кол, не надо было тебе рыться в его вещах. Это негостеприимно.

– Ты же сам меня попросил, – напомнил Кол.

Дуглас, однако, принялся отпираться, и братья горячо заспорили, то и дело перескакивая с одной темы на другую. Харрисон готов был колотиться головой о стену – братья Клэйбориы определенно сводили его с ума.

Наконец он решил взять инициативу в свои руки.

– Не сомневайтесь, я умею постоять за себя, – заявил он, заставив Кола с Дугласом разом забыть свои детские ссоры и обиды. – Я действительно хочу научиться содержать ранчо, но вам не стоит терять время, обучая меня драться или стрелять. Если вы позволите мне пройти, я докажу вам это.

Кол захохотал.

– Каким образом вы намерены реабилитироваться? Неужто вы обираетесь нас застрелить?

Харрисон покачал головой.

– Хорошая мысль, – одобрил он. – Но, пожалуй, будет достаточно, если я просто вышибу из вас дух.

Дуглас посмотрел на него с явным сожалением.

– Если вы не умеете драться, Харрисон, вам нечего стыдиться, мы научим вас всему необходимому. Хотя мне нравится, что у вас есть характер. Если вы хотите ладить с людьми, это вам пригодится.

– Смешно.

– Наверное, – согласился Кол. – Но так повелось в этих краях. Вы хотите, чтобы вас уважали, или нет?

Харрисон решил больше не спорить с этими упрямыми. Ведь он сам убедил их в своей непригодности к жизни в местных суровых условиях. Он вдруг подумал, что ведет себя столь же нелогично, как Кол и Дуглас. Он добился именно того, к чему стремился, и, по идее, должен бы испытывать удовлетворение. Но теперь ему претило, что Мэри Роуз считала его слабым.

Харрисон никак не мог разобраться в своих чувствах. Оставив братьев на конюшне, он пошел к дому, стараясь сосредоточиться на том деле, ради которого он проделал свое утомительное путешествие. У него не оставалось никаких сомнений в том, что Мэри Роуз – это леди Виктория, давным-давно пропавшая без вести дочь лорда Эллиота.

Ему очень хотелось схватить девушку, закинуть на круп Мак-Хью и увезти на ее родину, в Англию. Но на его пути стояло несколько серьезнейших препон. Во-первых, надо было выяснить, кто организовал похищение ребенка. Пока виновник или виновники этого преступления не будут найдены, семья Эллиотов не сможет чувствовать себя в безопасности. Еще одним препятствием были братья Клэйборн.

Все было бы гораздо проще, если бы он не питал к ним симпатии. Но даже Кол временами вызывал у него улыбку. Было совершенно очевидно, что четверо братьев души не чают в сестре и не позволят просто так взять и увезти Мэри Роуз. Харрисон не знал, что ему предпринять в этой ситуации.

Что же касается самой Мэри Роуз, то Макдональд считал, что ее будет нетрудно убедить в необходимости отъезда. Вряд ли она станет сопротивляться неизбежному. Харрисон был уверен – все изменится, когда она узнает, что у нее есть отец, который ждет ее возвращения в Англию. Она была слишком милосердной, чтобы не увидаться с ним хотя бы раз. Ну а уговорить ее остаться в Лондоне – это уж забота ее родственников. Харрисон же в этом случае счел бы свою миссию законченной.

Наконец он выбросил все из головы, ускорил шаги и уже собирался завернуть за угол, чтобы пройти прямо в кухню через заднюю дверь, как вдруг увидел Мэри Роуз. Девушка крадучись направлялась к небольшому сараю. На руке у нее болталась плетеная корзинка с полукруглой ручкой.

– Доброе утро, Харрисон, – раздался за спиной у Макдональда голос Трэвиса.

– Доброе утро, – ответил он, обернувшись. – Куда это отправилась ваша сестричка! Похоже, она очень торопится.

Трэвис улыбнулся:

– Она удрала. Подожду еще пару минут, а потом двину за ней.

Адам рассердится, если узнает.

– О чем узнает?

– О том, что Мэри Роуз собралась провести сумасшедшую Корнелию.

– Это та самая женщина, которая выжила после нападения индейцев?

– Вы о ней уже слышали?

– Вчера вечером ваша сестра рассказала мне о ней.

– Да, это она самая. Говорят, Корри совершенно не в себе. Теперь даже индейцы стараются держаться от нее подальше. Они ее боятся, как и большинство жителей Блю-Белл. Многие поговаривают, что ее надо сжечь.

– То есть как это – сжечь?

– Ну спалить ее хижину, – пояснил Трэвис. – Один траппер как-то раз оказался в тех местах и решил, что хижина пустует. Когда он захотел туда войти, Корри снесла ему голову из дробовика. Она живет в этой хижине больше пятнадцати лет. Ну а теперь, когда Мэри Роуз узнала о ее существовании, она решила нанести ей визит. Сестра считает, что подружится

с этой женщиной. Адам запретил ей туда ходить – никто не знает, что может выкинуть эта женщина. Но Мэри Роуз, как всегда, его не послушалась. Вон она, видите? Ей-богу, Адам ее убьет.

Трэвис припустил трусцой за девушкой.

– Скажите братьям, куда я отправился, ладно? – крикнул он через плечо.

Он был вооружен на случай всяких неожиданностей. Харрисону было приятно видеть, что все мужчины в семье Клэйборнов оберегали свою маленькую сестренку. Услышав, как Трэвис на бегу посетовал насчет того, что ему надоело постоянно возиться с этой девчонкой, Харрисон не сдержал улыбки.

После этого ему очень долго не пришлось улыбаться. Объездка диких мустангов не была трудным делом – она была делом невозможным. В течение целой недели Харрисон не мог приобрести нужную сноровку и без конца испытывал одно унижение за другим. Его тело стало черно-синим от кровоподтеков, а уязвленное самолюбие причиняло ничуть не меньше страданий, чем ушибы. Он служил постоянным источником веселья для семейства Клэйборнов.

Кол на этот счет обладал каким-то особым чутьем. Чем бы он ни занимался, он всегда появлялся у корраля именно в тот миг, когда Харрисон падал с лошади. Реагировал Кол всегда одинаково. Сначала лицо его искажала сочувственная гримаса, потом он покачивал головой, приговаривая: «Это очень больно», после чего неизбежно следовал взрыв хохота.

Разумеется, Харрисон готов был его убить, но сил у него попросту не осталось. Он еще не решил, какое время суток для него хуже. По вечерам все его тело болело и пульсировало, а по утрам ему казалось, будто оно сковано трупным окоченением. Он ходил, как старик, страдающий болезнью суставов, и стонал так, будто ему было сто лет.

Однажды поздно вечером в гостевой домик пришла Мэри Роуз. К счастью, Харрисон еще не успел стащить с себя брюки. Сбросив изорванную рубашку, он рухнул на кровать ничком и даже не повернул головы, когда девушка вошла в комнату.

– Господи, Харрисон, да на вас живого места нет, – прошептала она. Сев рядом с ним на кровать, она осторожно похлопала его по спине. – Адам послал вам немного мази, чтобы расслабить мышцы. Хотите, я вотру немного в плечи?

Больше всего в снадобье нуждались его ягодицы, но с его стороны было бы невежливо сообщить об этом Мэри Роуз.

– Спасибо, – сказал он.

– Вы же совсем вымотались, верно? – спросила она.

Харрисон не ответил. Мэри Роуз открыла бутылку и, вылив ему на спину немного какой-то холодной жидкости, принялась старательно втирать ее в кожу.

– Ради всего святого, что это так смердит? – произнес Макдональд и посмотрел на открытую дверь, полагая, что запах доносится откуда-то с улицы.

– Это мазь, – пояснила девушка.

– Ну и пакость.

– Лошадям она, похоже, нравится.

Харрисон поднял голову:

– Вы лечите ею лошадей?

– Людям она тоже хорошо помогает, – сказала Мэри Роуз, вновь укладывая Макдональда на подушку. – Через минуту запах исчезнет. Расслабьтесь. И вам очень быстро полегчает.

Харрисон не поверил ее словам. К тому же боль в ягодицах в любом случае не могла пройти.

– Оставьте мне бутылку, – попросил он. – Если мазь действительно поможет, я позже смажу себе... ногу.

– Хорошо, – пообещала Мэри Роуз. – Закройте глаза и отдыхайте.

Вскоре ему показалось, что он умер. Девушка буквально сотворила чудо – боль в мышцах утихла. Однако ее прикосновения не вызвали в нем никакого другого отклика, а это, по его мнению, означало только то, что он мертв.

Харрисон застонал от наслаждения, прося Мэри Роуз продолжать разминать его измученное тело. Ей почудилось, что он заснул. Девушка не могла не оценить мужественную красоту его тела. Растрепавшиеся волосы упали ему на лоб. На подбородке Харрисона проступила похожая на тень щетина. Мэри Роуз внезапно захотелось ее потрогать. Сначала она дотронулась до его лба. Затем расхрабрилась и, заметив синяк у него на виске, осторожно погладила его кончиками пальцев. Кожа Харрисона была гладкой и теплой.

Осмелев еще больше, она прикоснулась к его идеально правильному носу и скуле, испытывая непреодолимое желание коснуться его губ... Она вдруг поняла, что в этом человеке ей нравится решительно все. Наклонившись, Мэри Роуз поцеловала Харрисона в лоб, поражаясь собственному нахальству. Обычно в обществе мужчин она вела себя сдержанно, даже застенчиво, но сегодня все было иначе.

Тихонько вздохнув, она поцеловала его в щеку, затем выпрямилась и снова принялась массировать ему плечи. Как приятно прикасаться к нему! Ее тело каким-то образом реагировало на присутствие Харрисона, но из-за своей неопытности девушка не представляла, как вести себя в такой ситуации.

Она уже собралась еще раз поцеловать Макдональда, как вдруг...

– Что ты делаешь рядом с полуголым мужчиной? Ты вообще ничего не соображаешь, Мэри Роуз?

Кол подошел к кровати.

– Тише, – шепнула девушка. – Он спит. Я специально оставила дверь открытой, чтобы мне можно было находиться здесь. Он хотя и полуголый, но совершенно безвредный. Обещаю, что я не воспользуюсь его беспомощностью.

– Прекрати, – попросил Кол. – Леди не пристало говорить подобные вещи. К тому же ты не знаешь, как воспользоваться его беспомощностью.

– А пора бы уже? Тебе не кажется, что пришло время мне кое-что объяснить?

– Позже, Мэри Роуз.

– Ты всегда от меня отмахиваешься, – прошептала девушка. – Ну и ладно. Я уже сама во всем разобралась.

Колу захотелось поговорить о чем-нибудь менее деликатном. Он присел рядом с Харрисоном, потом снова встал.

– Я что-то не слышу его дыхания. Он жив?

– Конечно.

– Выглядит он, как мертвец.

– Он жив, – заверила Кола Мэри Роуз. – Во всяком случае, пока. Когда вы с Дугласом оставите его в покое?

– Мы учим его всему, что необходимо знать будущему фермеру.

– Вы его убиваете.

– Нет. Харрисон гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд.

– На самом деле он гораздо мягче, чем кажется на первый взгляд, – поправила она брата. – Он научился объезжать мустангов?

Кол вздохнул:

– В отличие от Дугласа я не вижу никаких улучшений.

Харрисон не от мира сего, Мэри Роуз.

– Почему ты так считаешь?

– Он разговаривает с мустангами. Дуглас уверяет, что он сначала уговаривает их, а потом залезает им на спину и надеется, что они его поймут и подчинятся. Он даже голоса на них никогда не повышает. а если и ругается, то только в конце дня. Возвращайся-ка лучше в Дом. Уже поздно.

Кол собрался было уходить, но потом передумал:

– Кстати, Кэтрин Моррисон просила своего отца разузнать, не хочет ли Харрисон за ней поухаживать.

Эта новость поразила Мэри Роуз – и привела ее в бешенство. Правда, она не показала этого брату и продолжала массировать мышцы Макдональда.

– Смешно, – сказала она. – Моррисоны с ним даже не знакомы.

– В воскресенье они собираются пригласить его на ужин.

– Харрисон не пойдет.

– Это еще почему?

– Он будет занят.

– Само собой, Трэвису не очень понравится, когда он узнает об этом. Он ведь вроде как равнодушен к Кэтрин.

– Не понимаю, что он в ней нашел. Мне она совсем не нравится.

– С какой стати?

– Она спесивая и жеманная. И к тому же наглая.

– Я никогда этого не замечал.

– Конечно, мужчины никогда не замечают таких вещей. Кроме того, с тобой она не кокетничает. Она тебя боится.

– Похоже, тебя это немного злит, верно? – спросил Кол с ухмылкой.

– Что меня злит?

– Да то, что другая женщина интересуется Харрисоном.

– Я вовсе не злюсь.

Если бы Харрисон не притворялся спящим, он бы опроверг слова девушки. Теперь пальцы Мэри Роуз так терзали его тело, что он не знал, сколько еще сможет вытерпеть эту пытку.

– Кто-то обязательно должен присматривать за Харрисоном, – произнесла девушка. – Он ведь очень наивный.

– Не говори ерунду.

– И к тому же ужасно доверчивый.

– Seriously?

– Да, Кол, не ухмыляйся. Харрисон очень добрый и мягкий человек. Неужели ты не заметил?

– Нет.

– Мы все должны заботиться о нем. Мы за него в ответе.

– Собственно говоря, что плохого сделает ему Кэтрин? Не укусит же она его в самом деле?

– С нее станется, – сказала Мэри Роуз. Она понимала, что это звучит глупо, но ничего не могла с собой поделать. – Наверное, жестоко так говорить, но я убеждена, что Кэтрин в душе настоящая змея. Передай Моррисонам, что Харрисон отказался.

Кол поднял глаза к небу.

– Завтра мы с Харрисоном поедem в город купить пару комплектов сбруи, так что он сможет лично принять или отклонить приглашение Моррисонов.

– Тогда я поеду вместе с вами.

Наконец терпение у Харрисона лопнуло. Он открыл глаза в тот самый миг, когда Кол вышел из комнаты.

– Хватит надо мной издеваться, – сказал он.

Услышав это, девушка отпрыгнула от него на целый фут.

– Вы проснулись?

Харрисон решил, что утвердительный ответ будет излишним.

– Вам уже легче? – спросила Мэри Роуз.

Пожалуй, теперь, после столь энергичного массажа, мышцы Макдональда болели еще сильнее, чем раньше.

– Да, спасибо.

Мэри Роуз заткнула пробкой бутылку, поставила ее на пол рядом с собой и встала.

– Когда же вы проснулись? – спросила она, стараясь, чтобы в ее голосе звучало лишь легкое любопытство.

– Только что, – солгал он. – А что?

Девушка вспыхнула. Харрисон хотел рассмеяться, но сдержался. Скотившись с постели, он встал на ноги. Его босым ступням было холодно на дощатом полу. Он находился слишком близко к девушке, но никак не мог заставить себя отодвинуться.

– Я просто хотела узнать, слышали ли вы, как приходил Кол, – запинаясь, пробормотала Мэри Роуз.

– Большое спасибо, что вы так беспокоитесь обо мне.

– С чего вы взяли, будто я о вас беспокоюсь? – поинтересовалась она, снова напрягаясь.

– Ну как же, а мазь?

Вздохнув с облегчением, Мэри Роуз повернулась к нему:

– Харрисон.

– Что?

– В воскресенье я устрою совершенно особенный ужин. Надеюсь, вы на нем будете? Придется, конечно, здорово похлопотать. Кстати, я могла бы даже пригласить Дули, Генри, Билли и Гоуста.

– Заманчиво, – сказал Харрисон, изо всех сил стараясь не расхохотаться.

Девушка улыбнулась:

– Вы не хотите познакомиться с одной моей подругой? Я думаю, вы ей понравитесь.

– Вы имеете в виду Сумасшедшую Корри? – спросил Харрисон заинтересованно.

– Пожалуйста, не называйте ее сумасшедшей, – попросила Мэри Роуз. – Она просто застенчивая и осторожная. Наверное, и вы были бы таким же, окажись на ее месте.

– Да, – согласился Харрисон. – Она разговаривала с вами?

– Нет, но она уже готова к этому. Я чувствую.

– Как вы можете это чувствовать? Она улыбнулась вам, или...

– Что вы, я ее даже не видела. Она от меня пряталась.

– Тогда откуда вы знаете, что она не сумасшедшая?

– Она же не застрелила меня.

Прежде чем продолжить расспросы, Макдональд закрыл глаза и мысленно сосчитал до десяти.

– Расскажите мне, как все это было. Вы стучали в дверь ее хижины? Внутрь входили?

– Я даже не подходила к двери.

– Как близко от хижины вы стояли?

– Я дошла до лужайки перед ней. Выстрел Корри угодил в землю. Она специально давала мне понять, чтобы я не приближалась.

– И что же вы сделали потом?

– Объяснила, кто я такая и что только совсем недавно узнала о ее существовании. И еще рассказала, как трудно было найти ее хижину. Конечно, мне пришлось все время кричать, а когда я поняла, что вот-вот сорву голос, я сказала, что принесла для нее корзинку с

припасами. Мне не хотелось, чтобы она неправильно истолковала мое поведение. Я предлагала ей не милостыню, а дружбу. Похоже, она поняла, потому что позволила мне подойти на несколько футов ближе. Я положила корзинку и пообещала прийти завтра.

– Вы собираетесь ходить туда каждый день?

– Нет, это не получится – у меня очень много работы здесь. Когда Корри со мной заговорит и мы получше узнаем друг друга, я, наверное, буду навещать ее раз в неделю, но зато уж надолго. Мне кажется, мы станем хорошими друзьями. Кстати, вы до сих пор не сказали мне ни да, ни нет.

– По поводу воскресного ужина? Мэри Роуз кивнула.

– Если вы ради этого собираетесь готовить что-то особенное, конечно, я приду. – Харрисон сделал паузу. – Адам рассердился из-за того, что вы ушли, не предупредив, не так ли?

– Он огорчился, – со вздохом произнесла девушка. – А это гораздо хуже. Если бы он на меня накричал, я бы не чувствовала себя такой виноватой.

– Адам знает о ваших планах на завтра?

– Мы это уже обсудили. Он мне разрешил. Понимаете, Харрисон, он вовсе не требует, чтобы я на все спрашивала его позволения. Просто он волнуется за меня. Я пообещала ему, что никогда не буду ходить туда одна. Наденьте рубашку, а то простудитесь. Спокойной ночи.

Девушка повернулась, собираясь уходить, но Харрисон взял ее за руку и сказал:

– Подождите.

– Да?

– Я никогда не встречал таких девушек, как вы.

Харрисон не верил, что эти слова произнес он – настолько избитыми они были.

– Вы очень добрая, – добавил он.

Мэри Роуз вспомнила, что она говорила Колу о Кэтрин Моррисон всего несколько минут назад, и не удержалась, чтобы не открыть Харрисону глаза.

– Нет, я не добрая. Я стараюсь быть доброй, но иногда превращаюсь в мегеру.

Между тем Харрисон притянул девушку к себе. Впервые в жизни он не сопротивлялся своим чувствам, хотя давно уже решил, что с Мэри Роуз ему следует держать дистанцию. Но сейчас ему безумно захотелось ее поцеловать.

– Что вы делаете?

– Обнимаю вас.

– Зачем?

– Собираюсь вас поцеловать.

– Серьезно?

– Да.

Короткое «да» Харрисона прозвучало словно страстный призыв. Девушка обессиленно вздохнула, но вовремя взяла себя в руки.

– А вы хотите, чтобы я вас поцеловал? – спросил Макдональд.

– Речь сейчас не об этом. – Мэри Роуз сделала паузу и заговорила снова: – Я не понимаю. Вы почти не разговаривали со мной всю неделю, не смотрели на меня... а теперь хотите меня поцеловать? Харрисон, это нелогично.

– Вы правы, – засмеялся Харрисон.

Девушка явно пыталась проанализировать происходящее, обернув оружие Харрисона – логику и трезвый расчет – против него самого.

– Я люблю честную игру, – сказал Макдональд.

Девушка все еще не понимала, что он имеет в виду. Тем временем Харрисон прижал ее к груди, наклонился и поцеловал в лоб. Затем он взял ее руки и положил их себе на плечи. Мэри Роуз выглядела совершенно обескураженной, но отнюдь не шокированной.

– Вы-то меня поцеловали, – пояснил он, – И не один раз. Так что теперь моя очередь, Мэри Роуз. Вот это и называется честной игрой.

– О Господи, значит, вы не спали! – убитым голосом произнесла Мэри Роуз и уставилась Харрисону в грудь. Осторожно поддев девушку за подбородок, Харрисон поцеловал ее в щеку, а затем в переносицу.

– Когда вы притворялись спящим, вам, должно быть, было приятно, – прошептала Мэри Роуз, быстро оправившись от смущения.

– Нет.

– Почему?

– Вы чуть не свели меня с ума. Дело в том, что вы целуетесь, как ребенок.

Девушка стала перебирать пальцами волосы Макдональда и поразилась, какие они мягкие и шелковистые. Она тихонько вздохнула и придвинулась к нему – от Харрисона словно исходило тепло.

– Научите, как вас нужно целовать, Харрисон.

Он наконец обнял ее и попросил раскрыть рот. Девушка хотела было спросить, чем вызвана его просьба, но тут Харрисон прижался к ее губам, и все вопросы разом вылетели у Мэри Роуз из головы.

Никогда она не испытывала ничего более чудесного, чем этот поцелуй. Девушка прильнула к Макдональду, словно стремясь слиться с ним, и по тому, как он вздрогнул, поняла, что он испытывает такое же удовольствие, как и она.

Наклонив голову, Харрисон снова властно впился в ее губы, и она ответила ему с тем же пылом.

Поцелуй закончился гораздо раньше, чем хотелось бы Мэри Роуз, но даже когда они оторвались друг от друга, она по-прежнему прижималась щекой к груди Харрисона, чувствуя мощное биение его сердца. Или это кровь стучала в ее висках?

Оба тяжело дышали.

– Мне не хотелось прерываться, – шепотом призналась Мэри Роуз. Харрисон глубоко вздохнул, пытаясь овладеть собой. Он впервые испытывал такую вспышку страсти.

– А вам? – едва слышно проговорила Мэри Роуз.

– Мне тоже, – признался он. – Именно поэтому я и прекратил все это. Не искушайте меня, Мэри Роуз. Вам пора возвращаться домой.

Ей не хотелось уходить, но было бы недостойно леди упрашивать Харрисона поцеловать ее еще раз. Медленно развернувшись, она пошла прочь из комнаты. У порога девушка обернулась и хотела пожелать у доброй ночи, но слова застряли у нее в горле. Она молча смотрела на него, поражаясь, как он прекрасен. В свете масляной лампы кожа его казалась золотистой. Харрисон оперся на стойку кровати, и когда он переменил позу, девушка увидела, как бугрились его мышцы.

– С вами я чувствую себя в безопасности, – неожиданно выпалила Мэри Роуз.

– Все правильно, Мэри Роуз, – с улыбкой ответил Харрисон. – никогда не причиню вам зла.

– А сейчас я опять целовалась, как ребенок?

– Нет. То, что случилось сегодня, больше не повторится. Это я виноват. – Он запустил пальцы в свою шевелюру. – Между нами не должно возникать ничего личного.

– Оно уже возникло.

– Нет, пока еще нет, – жестко сказал он.

Девушка не понимала, что на него нашло. Кивнув, она вышла на улицу. Готовясь ко сну, она ломала голову целый час, но в итоге сдалась. Мэри Роуз знала, что Харрисона влечет к ней – его поцелуй был весьма красноречив. Девушка решила не торопиться с выводами, пока не выяснит, в чем дело. Если он не хотел, чтобы между ними возникла близость, значит,

на это существовала какая-то серьезная причина. Такой человек, как Харрисон, ничего не делает необдуманно. Что ж, она подождет, пока он сам ей все расскажет, а потом разрушит любое препятствие, стоящее между ними.

Надев ночную рубашку и тапочки, Мэри Роуз спустилась в библиотеку и застала там Адама, перечитывавшего одну из своих любимых книг. Он сидел на старом стуле, обитом потертой коричневой кожей. В камине потрескивал огонь, наполняя помещение теплом.

– Адам, можно тебя побеспокоить?

Старший из Клэйборнов поднял голову и улыбнулся. – Конечно, – сказал он, закрыв книгу и положив ее на стол.

У камина стоял еще один такой же стул, но Мэри Роуз села на подставку для ног рядом со стулом Адама.

– Мне бы хотелось поговорить с тобой о Харрисоне.

– Что-нибудь случилось?

– Нет, – заверила его девушка. – Просто он мне... очень нравится. И я, по-моему, тоже ему небезразлична.

– Так в чем же проблема?

Мэри Роуз уперлась взглядом в свои колени.

– На прошлой неделе я попросила его меня поцеловать. А сегодня вечером он наконец-то отважился.

Девушка посмотрела на брата, однако Адам никак не отреагировал на ее слова. Он снял очки и аккуратно положил их на книгу.

– А что было потом?

– Он сказал, что это никогда больше не повторится.

– Понятно. – На лице Адама появилась улыбка. – А он не объяснил тебе почему?

– Объяснил, но я ничего не поняла и теперь думаю, что, может быть, ему это понравилось гораздо меньше, чем мне.

– Значит, тебе понравилось целовать его. Нам надо побеседовать об этом.

– Адам, он считает, что между нами не должно ничего быть. Может быть, он не хочет причинять мне страдания. А может, собирается возвращаться обратно в Шотландию и боится вступать в серьезные отношения перед отъездом. Наверное, он такой же, как Кол.

– А какой, по-твоему, Кол?

– Кол панически боится, как бы какая-нибудь женщина не поймала его в свои сети. Он постоянно твердит мне, что никогда не женится. Неужели и Харрисон разделяет его взгляды.

– Что касается Кола, сестренка, то с его стороны все это только слова. Просто он еще не встретил подходящую женщину. Когда это произойдет, он станет рассуждать иначе.

– Почему мужчины считают брак ловушкой? Господи Боже мой, женщины вовсе не отнимают у них свободу.

– В какой-то степени отнимают, – ответил Адам, – Женатый мужчина – это женатый мужчина. Если он ошибся в выборе своей половины, он оказывается в западне, разве не так?

– Наверное, но ведь и женщина попадает в такое же положение.

Адам задумался. Если присутствие Харрисона в их доме каким-то образом связано с Мэри Роуз, его долгом было удостовериться, что Макдональд не причинит ей никакого вреда.

– Адам.

– Что?

– О чем ты только что думал?

– О Харрисоне. Мне пришло в голову, что мы о нем почти ничего не знаем. Получше изучи его, прежде чем в следующий раз захочешь с ним поцеловаться.

– Постараюсь, – кивнув, сказала девушка.

– Кол сказал мне, что я должен побеседовать с тобой об отношениях между мужчиной и женщиной и...

– Об интимных вещах, – договорила за старшего брата Мэри Роуз.

– Да.

– Но мы уже беседовали об этом много лет назад.

– Я помню, но Колу показалось, что ты кое-что недопоняла. Это так?

– Да нет, ты все объяснил очень понятно.

– Я тоже так думал. Признаться, ты задавала очень много вопросов.

– А ты очень терпеливо отвечал. Ты был единственным человеком в нашей семье, от которого можно было добиться толку. Трэвис принялся рассказывать мне про деревья и пчелок, а потом перескочил на какие-то библейские притчи. Когда он начал излагать о хлебах, которые множились и множились, я совсем запуталась. Наконец он заявил мне, что я – нечто вроде каравая и в свое время тоже размножусь. А когда я спросила, как именно это произойдет, он замахал руками и отправил меня к Дугласу.

Адам слышал эту историю неоднократно, но получал от нее ничуть не меньше удовольствия, чем в первый раз.

– Он страшно рассердился и так застеснялся, что не мог поднять глаз. Наконец с трудом выдавил из себя, что я живу на ранчо и должна быть повнимательнее к происходящему. И при этом через слово вставлял «Господи Боже мой». Я возразила, что все одиннадцать лет так и делаю, но все равно ничего не понимаю. Тогда он пришел в отчаяние и сказал, что, когда я вырасту, я буду вроде кобылы, и у меня появится мужчина, который будет играть роль жеребца.

Адам смеялся до тех пор, пока на глазах у него не выступили слезы.

– Но почему же ты снова просишь объяснений у Кола?

– Я не могу удержаться. Он так смешно краснеет и суетится, а для него это очень необычно. Я, пожалуй, буду его расспрашивать, пока он не поймет, что это розыгрыш.

Адам снова засмеялся.

– Ладно, давай. Я прямо умираю от любопытства, какие сравнения он придумает на сей раз. Это должно быть что-то поистине сногшибательное. – Он вздохнул и посерьезнел. – А теперь давай выясним, что ты ощущала, когда целовала Харрисона.

Мэри Роуз всегда чувствовала себя спокойно и раскованно в обществе Адама. Не было такой темы, которую она не могла с ним обсуждать, не беспокоясь, что он не поймет ее. Между ними существовала незримая, но очень прочная связь, а вера Мэри Роуз в справедливость его мнения по любому вопросу была безграничной.

Адама же беспокоило, как бы сестра не испугалась Харрисона. Он считал, что плотское влечение зачастую неверно интерпретируется людьми, и хотел, чтобы его сестра никого и ничего не боялась и жила, а не пряталась от жизни – так же, как это многие годы делал он сам.

– У мужчины может возникнуть желание затащить женщину в постель, даже если он не любит ее. Ты понимаешь это?

– Да. Женщина тоже может поддаться такому порыву, правда?

– Правда.

– Ты хочешь сказать, что физическое влечение не надо путать с любовью?

– Да.

– Не волнуйся за меня. Не забывай, что быть неопытным – не значит быть глупым.

– Совершенно верно.

Брат и сестра поговорили еще несколько минут, пока у Мэри Роуз не начали слипаться глаза. Поцеловав Адама, она пожелала ему спокойной ночи.

– Жаль, что здесь нет мамы. Я скучаю по ней, – произнесла девушка.

– Когда-нибудь она будет жить с нами, – пообещал Адам. – Возможно, миссис Ливония передумает и позволит ей уехать, но сейчас она полностью зависит от мамы.

– Я не представляю, что это такое – быть слепой. Но, наверное, я тоже стала бы злой, как Ливония.

– Твоя мама нужна ей больше, чем тебе, Мэри Роуз...

– Неужели ее сыновья и впрямь могут отречься от родной матери?

– Они пойдут на все, чтобы заполучить ее деньги. Кроме того имущества, которое сыновья уже распродали, у мамы Роуз с Ливонией есть дом. Они неплохо уживаются между собой, и пока дети Ливонии их не трогают, с ними ничего не случится.

– Ты ведь регулярно посылаешь им деньги?

– Мы помогаем им, чем можем. А теперь поднимайся наверх и ложись. Мне нужно покончить с этой главой Конституции. Завтра я собираюсь втянуть Харрисона в дискуссию, и мне хочется к ней подготовиться.

– Перед сном я хочу написать еще одно письмо маме. Мне нужно рассказать ей о Харрисоне.

– Я думал, ты уже писала ей о нем.

– Да, но это было до того, как он меня поцеловал. Спокойной ночи. Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, сестренка.

Через полчаса Мэри Роуз забралась в постель и заснула с мыслью о том, как прекрасна жизнь. Она жила в чудесной долине вместе с замечательными братьями, а теперь здесь появился еще и человек, который мог стать ее поклонником. Разумеется, Харрисону придется немало потрудиться, чтобы завоевать ее. Но в конце концов она позволит ему добиться своего.

Планов у девушки было великое множество, а в сердце ее уже зарождалась любовь.

17 мая 1863 года

Дорогая мама Роуз,

Мы слышим столько противоречивых сообщений о войне, что не знаем, чему и верить. И Север, и Юг вовсю расписывают каждую свою победу. К тому времени, когда новости доходят до нас, все так перевернулось, что ничего нельзя понять. Одно несомненно – гибнут тысячи молодых людей. Мы все время думаем о тебе, молимся за тебя, ты постоянно в нашем сердце.

Когда мы получили твоё письмо, которое пришло после целого месяца ожидания, то на радостях устроили праздничный обед. Кол приготовил жаркое из белок, Дуглас испек бисквиты, а я набрал на огороде свежих овощей. Отобедав, мы стали по очереди петь. Мне кажется, что у нас с Колом получилось неплохо, но Дуглас и Трэвис пели просто ужасно. Но хуже всех выступила Мэри Роуз. Твоя тезка прямо-таки кричала. Я уже давно подумывает, что, когда она подрастет, неплохо бы купить ей пианино. Но теперь я не уверен, что это была удачная мысль. Если уж она не в состоянии воспроизвести мелодию, возможно, обучение ее игре на фортепьяно будет просто тратой времени. Но так или иначе, ей нужно хорошее, разностороннее образование, а это значит, что она должна разбираться в музыке. Мы с братьями часто обсуждаем, на что надо будет обратить особое внимание. Трэвис настаивает на изучении французского языка. Правда, сейчас нам приходится налегать главным образом на английский. Малышка пока еще не очень-то усвоила грамматику и все время путает глаголы. Однако по твоему совету мы не слишком часто

ее поправляем и всегда хвалим за успехи, даже небольшие. Ей нравится радовать нас, а когда она счастлива и улыбается, нашу хижину словно солнышко освещает.

Кол показал нам проект дома, который он хочет построить. Мы даже и не подозревали, что у него такой талант. Он задумал двухэтажный дом с пятью спальнями, причем такой большой, как жилища плантаторов на Юге. Я предложил, чтобы наружная отделка была как можно проще, но он и слушать не желает. Когда люди видят дорогой дом, они невольно думают, что находится внутри. Потом у них возникает зависть – по крайней мере мой опыт говорит именно об этом. Правда, в Блю-Белл люди с уважением относятся к чужой собственности. В моей коллекции теперь семь книг, и на следующей неделе Трэвис собирается поехать в Хаммонд и посмотреть, какие товары можно на них выменять. Дуглас занялся объездкой двух диких мустангов, которых они поймали вместе с Колом. У Дугласа настоящий дар к общению с животными. Он утверждает, что они дают ему знать, когда что-то не так.

Я не перестаю удивляться, что каждого из нас Бог наградил каким-то особым талантом. Я хорошо лажу с цифрами, поэтому веду все записи и подсчеты. У меня очень много бумажной работы, связанной с приобретением собственности на землю. Моррисон предлагает открыть нам кредит. Дескать, мы можем платить ему только раз в месяц, за все, что мы у него приобретаем, отчисляя ему определенный процент за услугу, а по мне это не что иное, как самая обыкновенная ссуда. Так что если у нас в коробке из-под сигар не остается денег, мы как-то выкручиваемся. В город я не выезжаю. Я решил послушаться твоего совета и не привлекать к себе лишнего внимания. У нас побывали все местные жители, и, по-моему, они ко мне привыкли. Вновь прибывшие немного удивляются, услышав о том, что рядом с ними живет чернокожий, и когда они встречаются с остальными членами нашей семьи, наверняка бывают озадачены. Но поскольку, по мнению Кола, жители Блю-Белл воспринимают меня как нечто само собой разумеющееся, новичкам мое присутствие кажется совершенно естественным. Конечно, тут не последнюю роль сыграла наша дружба с Моррисонами. Когда у них провалилась крыша, я поехал в город, чтобы помочь им построить новую. Миссис Моррисон присматривала за Мэри Роуз, и наша сестренка прекрасно провела время, играя со своей новой подругой.

Но я отклонился от темы, не так ли? Теперь я хочу рассказать тебе, что делают для нашей семьи мои братья. Кол упражняется в стрельбе из револьвера на тот случай, если нам потребуется защита. И хотя я не могу не признать его большие способности, никто из нас не хочет, чтобы он становился дуэлянтом. Дуглас занимается лошадьми, и Сайд Кэмп уже сказал, что купит одну из них, как только Дуглас приучит ее ходить под седлом. Прежде чем возвести дом, Дуглас мечтает построить конюшню, и они с Колом постоянно спорят из-за этого. Похоже, в конце концов Кол уступит, по здорово помотает Дугласу нервы.

Трэвис стал у нас снабженцем. Этот парень может любого убедить в чем угодно и достать необходимое из-под земли.

Мы не знаем, какими талантами обладает малышка, но они наверняка лежат не в области искусства. Я посылаю тебе рисунок, который она сделала

для тебя. Предполагается, что на нем изображена наша маленькая хижина, но мне кажется, это больше напоминает какие-то каракули. Кстати, ей теперь не нравится, когда мы называем ее малышкой. И на имя Мэри она тоже не отзывается. Конечно, довольно глупо такого маленького ребенка все время называть Мэри Роуз Клэйборн, но для нее это очень важно.

Она задает по сто вопросов на день. Но я все равно считаю, что она лучше нас всех, вместе взятых, и, похоже, остальные со мной согласны.

Мы, конечно, не позволяем ей слишком много шалить. Когда она не слушается, мы оставляем ее одну, пока она не осознает, в чем ее проступок. Кол в таких случаях неизменно говорит, что ее надо простить – сердце-то у него очень доброе. Но он тоже понимает, как важно, чтобы девочка усвоила, что есть вещи, которые делать нельзя.

К тому же я не уверен, что она и впрямь страдает, когда остается в одиночестве. Только вчера мы с ней вместе работали в саду. Она захотела, чтобы я бросил работу, пошел в хижину и принес ей мятный леденец. Когда я отказался, она взяла его сама. Она хорошо знала, что ей не избежать наказания, потому что съела не один леденец, а все до единого. Через несколько минут она вышла наружу, и все лицо у нее было испачкано розовым. Она несла с собой одеяло и тряпичную куклу, которую смастерил Трэвис. Малышка прошла мимо меня, пересекла двор, уселась на бревно и захныкала, явно рассчитывая, что ее пожалеют. Она всех нас давно раскусила, мама. Я отвернулся, потому что не мог сдерживать улыбки.

На этом я пока останавлиюсь. Трэвис с Дугласом уже отдали мне свои письма, адресованные тебе, а Кол заканчивает свое. Нам очень приятно, что ты вкладываешь в свои послания отдельный листочек для каждого из нас и пишешь на обороте имя. Мы словно общаемся с тобой наедине. Когда Мэри Роуз подрастет и научится читать, она, я уверен, тоже оценит по достоинству твою мудрость.

Мои братья поговаривают о том, не пойти ли им воевать, чтобы помочь Северу одержать победу над Югом. Каждый раз, когда кто-нибудь из них начинает об этом рассуждать, я злюсь. У нас есть обязанности перед нашей сестренкой, и главное – вырастить ее и поставить на ноги. По мнению Трэвиса, четыре няньки многовато для одного ребенка, но я убедил его, что каждый из нас вносит свой вклад в общее дело. Я нисколько не преувеличиваю, мама. Каждую ночь мы молимся за солдат армии Севера. Я не хочу заканчивать это письмо на печальной ноте. Тот красивый медальон, который ты нам послала, до нас все же дошел. Посылка даже не была разорвана. Мэри Роуз застала нас за его разглядыванием. Мы сказали ей, что надеть его она сможет только тогда, когда ей исполнится шестнадцать лет. Ну и крик она подняла! Но мы это выдержали и нашли компромисс – она будет любоваться им каждый вечер перед сном. Теперь у нас появился еще один вечерний ритуал. Их уже три: Мэри Роуз надо попить воды, прослушать какую-нибудь историю и посмотреть на медальон. Она просто прелесть. Господи, ну и веселит же она нас!

С любовью

Адам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.